

СВЕТ ПОЭЗИИ И ТЕНИ ПРОЗЫ

**(Штрихи к портрету
Пушкинского государственного заповедника)**

**50-летию Победы в Великой
Отечественной войне
посвящается**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СВЕТ ПОЭЗИИ
И
ТЕНИ ПРОЗЫ

(Штрихи к портрету Пушкинского
государственного заповедника)

50-летию Победы в Великой
Отечественной войне
посвящается

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Начинаю для тебя свои записки или иск-
реннюю исповедь... я все полагаю, что в тебе
прок будет, и главным тому доказательством
почитаю сходство твоей молодости с моей...
А. С. Пушкин.

Ты увидишь, что завлеченный пылкостью моих
страстей во многие заблуждения, находясь нес-
колько раз в самых затруднительных обстоя-
тельствах, я выплыл наконец...

Проект в введения в «Капитанскую дочку».
5 авг. 1833 г.

Игр., 1922 с. 163-16.

ОТ АВТОРА

С особым волнением приступаю я к повествованию об истории новейшего времени Пушкинского государственного заповедника. Она достаточно сложна, противоречива, во многом искажена и малоизвестна даже для тех, кто интересуется этим удивительным и прекрасным поэтическим уголком России.

Некоторые из тех, о ком здесь пойдет речь, живы и, конечно несут в себе печать своего времени и поэтому не могут быть бесстрастно объективны. Однако будущий историк должен иметь хотя бы штрихи к портрету заповедника, только еще проступающему сквозь «магический кристалл» времени.

Жизнь несомненно скоро напишет этот странный, но необходимый для понимания эпохи, в которой мы живем, портрет, потребность в нем, потребность в правде будет все острее ощущаться в этих местах, ведь всем известно: здесь жил, творил, нашел вечный покой Пушкин.

История эта имеет давнее начало, когда большинства из действующих лиц еще не было на свете, а другие только начинали свой жизненный путь. С тех пор много воды унесла тихая голубая Сорочь.

Постепенно меняются сами основы нашей жизни. Неимоверно трудное время выпало на долю современников. Очевидно, рано подводить итоги этой истории. Ныне грядет двухсотлетие поэта. И, следовательно, новые значительные события отразятся в летописи пушкинской земли.

Живущим на земле поэта сотрудникам и хранителям заповедника, и ушедшим от нас С. И. Вавилову, Т. Ю. Мальцевой, А. Ф. Теплому, А. В. Зиновьеву, Вл. Самородскому, С. С. Грейченко, А. И. Оронд М. М. Калаушину, Л. И. Рожнову, А. В. Зиновьеву посвящается эта книга.

* Благодарю сердечно А. М. Гордина, З. М. Иванову и редактора В. Н. Гусарову.

I. «МЕТЕЛЯМ НЕ ЗАДУТЬ СВЕЧУ»

Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине:
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?

Война... Ужасный удар обрушился на каждого в России, расколов жизнь на две части: до и после. Период войны явился страшным, бескомпромиссным испытанием на прочность, на верность Отчизне, пускай не очень ласковой, но единственной и неповторимой.

Она пришла неожиданно на пушкинскую землю, в период белых почей, в сенокос, когда все вокруг благоухало, наполняя поэзией жизнь и желанием никогда не покидать эту грешную землю. Удивительно хотелось жить несмотря ни на что. На горе Закат до самого утра играла музыка и кружились влюбленные пары.

2 июля самолеты с крестами впервые бомбили Пушкинские Горы. Несколько бомб упало на территории Святогорского монастыря. Взрывной волной, как пыликку, снесло купол древнего Успенского собора Святогорского монастыря. Он стоял обнаженный, взывая к людям. Дом Советов в этот день был превращен в развалины. В воздухе долго кружились немецкие листовки, и несмышленные дети подбирали их.

На недавно открытой железной станции Тригорске, где уже находились палатки сборного пункта, матери, родные, девушки с лицами, на которые было страшно смотреть, провожали мужчин. Гремел оркестр, стараясь перекрыть своим надсадным громом плач, причитания и молитвы женщин. Наступали черные времена.

Как напоминание о недавнем прошлом воспринимался жителями поселка поэтический очерк в «Пушкинском колхознике» о встречах с М. Горьким быв. директором заповедника П. Безруких «Два мира»¹. Вспоминает о тех трагических днях Зоя Михайловна Иванова — ветеран войны и труда:

«Войну я встретила на туристической базе в деревне Воронич, тогда наш поселок был Калининской (Тверской) области, здесь отдыхали школьные работники. Я в то время была старшей пионервожатой средней школы им. А. С. Пушкина. Все отдыхающие сразу же после сообщения о начале войны уехали домой.

Наш поселок был в то время как муравейник. С первой же недели стали уничтожать всю канцелярию РК партии и райисполкома. Жгли бумаги. Место это сохранилось около нынешнего райкома административного здания в лесу. Дело было поручено секретарю райисполкома Николаеву, а я помогала ему сжигать педомерное количество бумаг и распоряжений. Сжигали все, что могли. Потом же обвинили в этом немцев.

Отступая, части Красной Армии взорвали мосты в Селиханове и Дериглазове на железной дороге, задержав наступление. В поселке начались грабежи, в которых принимали участие жители окрестных деревень. Они опустошали магазины, антеку и библиотеку. Книги были пушкинских времен, в кожаных переплетах, с пометками и замечаниями на полях. Может быть были книги из монастыря. Они были старые, но нигде не порченные. Правда, библиотека эта перевозилась несколько раз в разные подвальные помещения, книги валялись в грязи и мокрые я приносила домой, сушила. А потом немцы их куда-то увезли.

Перед отступлением наших частей молодежи были выданы деревянные винтовки, вернее, подвинтовки и мы стали охранять объекты на западной окраине. Но скоро командир Красной Армии нас разогнал и приказал ухо-

дить. Начальство предложило колхозам дать нам подводы, чтобы население уезжало из поселка. Немцы были уже за рекой Великой. Техники, автомобилей было всего несколько штук, не более 5—6 штук. Начальство вместе с военкомом незаметно исчезло. Мне не досталось повозки и я с матерью и 2-х летней племянницей и, родительница которой осталась в блокадном Ленинграде, побежали в направлении Новоржева.

У меня был в то время редкий велосипед. Со мной ребенок и престарелая мать бежали из поселка. Но уже около Новоржева нас встретили немцы и вернули назад в Пушкинские Горы.

По приказу командования все тракторные паркеры должны были уничтожены, но многие трактористы, особенно зохинской МТС, трактора спрятали, загнав в пруды и болота, и тем самым сохранили их от врагов. После войны их вытацили «ХТЗ» долго еще приносили пользу.

Немцы заняли поселок 12 июля. А за несколько дней немецкий самолет сумел попасть в западную часть собора и отрезал часть шпиль, летчик сбросил на поселок несколько фугасных бомб, многие попали прямо в мастерские, где были первые убитые. Самолет шел над поселком, бомб много было сброшено на территории монастыря. Попав в собор самолет немедленно улетел.

Первая бомбардировка создала неуправляемый страх. Могилы А. С. Пушкина была целоухонька и ни одной раны не было на памятнике поэта. Затем на летном поле недалеко от поселка выбросили парашютистов в гражданской одежде. Наш войска бежали. Они шли понуро и печально без вещевых мешков и без оружия.

Через несколько дней началась немецкая оккупация. Мы вернулись. Многие жители поселка не нашли своих домиков. Они были сожжены. У нас в поселке имелись лишь одноэтажные домики, кроме райисполкома, средней школы и еще некоторых зданий»².

В ночь на 16 июля части, оборонявшие пушкинские места, в связи с угрозой окружения, отошли с боями на Восток. В сложных условиях первых трагических месяцев войны они сделали все, что могли. Обильно были полита кровью древняя русская земля! Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1941 г. бойцы, оборонявшие эту землю, были награждены орденами и медалями. Летчики, получившие боевое крещение в пушкинском небе, похоронены на этой святой земле. Вечная слава погибшим! Они ушли в бессмертие. Об этом напоминает в наши дни скромный памятник на развилке дорог в деревне Новгородке при подъезде к Пушкинским Горам у здания быв. почтовой станции. «Последнее прости, мать!».

Что же происходило в это время в знакомом до боли заповеднике, в пушкинском Михайловском? Работал он до самых последних дней* Так, 24 мая 1941 года состоялась торжественная передача бильярдных шаров из Пушкинского Дома, принадлежавших когда-то поэту и трогательной картины художника Ю. Непринцева «Пушкин и няня». Продолжались работы по реставрации домика няни, а также затянувшиеся споры вокруг него.

Но меры, принятые по эвакуации экспонатов, были весьма запоздалыми.

Вспоминает Н. И. Аксенов, зам. директора заповедника:

«Распоряжение об эвакуации Пушкинского заповедника поступило секретарю РК партии 5 июля в 16 часов, а в 11 часов вечера этого же дня с частью ценностей заповедника в количестве 5 подвод, направился в сторону Новоржева. Это был весь наличный транспорт. В дополнительном транспорте было отказано. Вместе с обозом выехало 57 человек — сотрудники заповед-

² Реставрация Домика няни в Михайловском, «Пушкинский колхозник», 20 июня 1941, — Архитектор Ю. Малиревский, установил, что в домике стены оклеены обоями не ранее 1873 г.

¹ «Пушкинский колхозник» — 1941 г. 18 июня. № 141.

* «Мое беспечное познание», 1923 г.

ника и члены их семей, в том числе 11 детей до 8-летнего возраста. К. В. Афанасьев, лесовод, отказался ехать и заявил: «Я остаюсь!». Немногим было тогда понятно это заявление.

Ответственность за доставку обоза и людей до Новоржева приказом возлагать на директора музея А. Оронда».*

«...В связи с тем, что мне, как исполняющему обязанности директора заповедника, было дано райкомом ВКП(б) распоряжение (телефонограммой) остаться на месте впредь до новых указаний (директор заповедника М. Зонгейм выехал в Ленинград с согласия райкома ВКП(б) перед эвакуацией, в заповедник не вернулся). 6 июля я с двумя рабочими, И. Штокаревым и Е. Егоровым, остались на месте, заколотили двери и окна музея и библиотеки, а также жилых домов. Этого же дня, в 7 часов вечера, в заповедник вступила воинская часть Красной Армии. Командир части заявил, чтобы все гражданское население оставило Михайловское.

Поздней ночью мы догнали обоз в деревне Жарки.

8 июля я, профессор Шиперович, зав. музеем Оронд отправились в Алтунский сельсовет просить помощи в транспорте, в чем председателем сельсовета было отказано, мотивируя тем, что об эвакуации сельсовета и всего района распоряжений нет. В назидание он сказал: «Не наводить паники, когда будет известно об эвакуации, будет оказана помощь». Я с большинством сотрудников заповедника задержался на сутки в Алтуше в ожидании транспорта, а тринадцать человек на двух подводах с некоторым имуществом и материалами бухгалтерии отправил на железнодорожную станцию Суццево. Это были зав. музеем Оронд, профессор Шиперович, студенты-практиканты из Ленинграда, ученый лесовод Бобляк, главный бухгалтер Сазонов с семьей.

...Не дождавшись никакой помощи в транспорте от сельсовета, я все же на трех лошадях отправился дальше по направлению города Холм.

Не доезжая до Новоржева, мы узнали, что через реку Сороть за Серебряным бором мост взорван, проезда нет, а кроме того по большаку видели немецкие разведки.

13 июля обоз в количестве трех лошадей вернулся обратно в заповедник.

16-го августа 1941 года у меня в доме немецкая жандармерия произвела обыск. Были отобраны гимнастерка, брюки, сапоги, ремень и 500 граммов сахара. Мне приготовили обвинение: 1) Что я коммунист, веду агитацию против немецкого командования; 2) Что я скрыл (спрятал) ценности музея.

Допрос производился в присутствии обслуживающего персонала заповедника. На два первых вопроса я ответил отрицательно, памятуя, что фактов ни у кого нет. По вопросу о сокрытии музейных ценностей я сказал, что в деревне Жарки у меня действительно оставлен чемодан, содержимое в нем для меня не известно, но я полагаю, возможно, там рукописи Пушкина и другие документы.

В Жарки гиллеровцы послали машину. Ввиду того, что в чемодане никаких ценностей для немцев не оказалось (они полагали, что мною скрыто золото и другие ценности), меня через 13 дней освободили и послали работать в заповедник рабочим».

* Примечание: Оронд Анатолий Израилевич, родился в 1918 году. Окончил в 1939 г. институт Герцена, работал в школе № 48 (216), участник советско-финской войны. Затем в 1940—1941 гг. научный сотрудник в Михайловском, сменил на этом посту А. М. Гордина, директор (заведующий) музея, автор публикаций, затем, пройдя через линию фронта, работал во время блокады в госпитале в Ленинграде, умер от голода.

В поселок вступили немецкие войска. На вдином месте был вывешен приказ коменданта: «Приказываю всем жителям Пушкинских Гор в трехдневный срок зарегистрироваться в управе и гестапо. За неисполнение — расстрел!

Завоеватели вводили новый порядок «орднунг». Началась трехлетняя оккупация.

Всю «черновую работу» в поселке вместе с немцами проводил начальник полиции Федор Горлин и другие полицаи из местных жителей, которые зверствовали особенно жестоко. Но одновременно оккупанты возобновили танцы на горе Закат. Это помогло наладить контакты среди молодежи и создать организацию партиотов.

В нее вошли жители поселка: братья Виктор и Евгений Дорофеевы, Александр Иванов, Борис Алмазов, Александр Малиновский, а затем и другие. Множество патриотов погибло, на смену одним приходили другие. Борьба продолжалась все три года. Придет время и улицы поселка в память о героях назовут их именами. В книге А. Д. Малиновского «Подпольщики Пушкинский Гор»³ воссозданы незабываемые страницы стойкости и силы духа.

Военным комендантом поселка стал майор Зингер, который считал себя ценителем Пушкина и зимой 1943 года выписал из Германии экскурсовода для заповедника немку Шиллер,* о которой говорили, что она является правнучкой знаменитого поэта. Помощником коменданта Зингера был Трайбхольц, который привлекая внимание жителей тем, что появлялся на улицах поселка с белым дрессированным барашком.

А где же был в час испытаний Семен Степадович Гейченко, будущий кумир миллионов? Его судьба в эти годы до сих пор окружена тайной.

Вот как он сам рассказывал об этом:

«Сослали меня в сорок первом по доносу одного грязного человека — будто бы я ненавижу Советскую власть, превозношу старый строй, люблю старое искусство и не признаю новое, и во время войны на меня полагаться нельзя. Впрочем, следили за мной, оказывается, давно. И вот как-то раз встретились мы с другом, тоже музейным работником, на Невском, там напротив улицы Рубинштейна есть такой магазин художников, где всегда выставляются новые работы. И вдруг видим картины одного энергичного художника, который у нас в Петергофе проходил когда-то практику, и возмущались: «Вот сволочь, смотри, где выставился!». А среди работ был портрет Сталина. Пошли мы дальше, а за нами машина вдоль тротуара. Ясно, как поняли наши слова. И началось следствие. Нашелся еще такой журналист, театровед Борис Мазинг, который написал против меня донос. В общем, по статье 58 пункт 5 отправили меня в Свердловский лагерь. Свердловчане меня до сих пор считают своим...».

...Вернемся на оккупированную немцами пушкинскую землю.

К весне 1942 года рабочие с разрешения коменданта отремонтировали купол Успенского собора и открыли в южном приделе храм, а в Михайловском немцы возобновили работу дома-музея Пушкина и дома няни. Стали проводиться дни памяти Пушкина, которые завершались зваными в честь Великой Германии. Дом Пушкина немцы использовали для отдыха своих офицеров.

Продолжим воспоминания Зои Михайловны Ивановой:

В это время в поселке работала церковь Казанская, где священником

³) А. Д. Малиновский — Подпольщики Пушкинский Гор «Лениздат» 1984.

* К сожалению, Институт Гете (С.-Петербург) не располагает о ней библиографическими сведениями.

* До войны он жил на кладбище, много испытал невзгод.

отцом (Дмитрий Иосифович Дмитриев)* совершалась служба. Вот где верующие находили духовное обогащение! Отец Иосиф был последний монах монастыря, который не ушел из поселка, а остался здесь.

Давно мне хотелось поведать об этом человеке, могила его находится напротив алтаря на нашем кладбище. Для меня он первый человек, который не побоялся приносить листовки и газеты от партизан. Он несколько раз ходил в Островский район в церковь и там на границе Новоржевского района проводил церковную службу, но надо было переплывать реку Сороть. Его местные перевозили на ту сторону и он там познакомился с партизанами, носил им деньги, а оншему в мешок давали листовки и газеты. Во время службы он в церкви раздавал эти листовки, не всем, а только тем, у кого служили дети в нашей армии. Когда целовали крест, он совал этим верующим листовки, а другой раз — газеты. Моя мать мне приносила эти листовки домой. И он молился за православное христианское воинство.

Долгие годы я не могла рассказать об этом чудесном человеке, да кто бы поверил, чтобы священник был первый, который принес весточку о правде. Однажды был такой случай с ним. Его партизаны доводили до реки Сороть и помогали ему перебраться в нашу сторону. Он был в лодке и как-то получилось, что крест, который был у него на груди большой, упал в реку, так партизаны обшарили все дно и все же нашли его и батюшке отдали, а было это уже к осени.

Отец Иосиф носил деньги партизанам и брал с них расписки, в счет налога на церковь. Он верил в победу.

А в это время в монастыре после уборки на следующий год возобновил церковную службу отец Владимир (Георгий Тайлов), который ревностно служил немцам. Высокий, спортивный, красивый, молодой священник, который призывал верующих, чтобы они молились за победу немецких солдат. Наспех отведенный южный придел Успенского собора был богато обставлен иконами. Иконостас сверкал позолотой, прихожане приносили дары в виде полотенец, салфеток, шелковых платков. Молящиеся ничего не жалели, дарили все от сердца, чтобы было смягчение от Бога, в то тяжелое время люди шли к Богу.

Когда отец Владимир вышел на амвон, его глаза сверкали, буравили, каждого он просматривал. Ни одного из присутствующих он не оставил без внимания. Службу вел энергично и после провозгласил здравицу: «За великую Германию!», и так он каждую службу заставлял молиться за победу над большевиками. Все меньше и меньше стало приходить к нему. Не хотел народ, чтобы немец победил. Без него, без его благословения немцы не расстреливали наших русских. Он имел большую силу перед командованием. Так было долго. А потом он исчез. Кто знал, что придется встретиться случайно через много лет после войны».

Фашисты устраивались жить в Пушкинских Горах спокойно и сладко. На огнях в заповедник приезжали генералы и крупные чиновники. Из-под Ленинграда однажды пожаловал сам командующий фронтом дельмаршал фон Леб со свитой. Перед приездом высоких гостей солдаты в овчарках прочесывали леса и парки. Всех оказавшихся в лесу расстреливали на месте или в песчаном карьере на окраине поселка.

Однако подпольщикам удалось провести ряд успешных операций. В самом центре поселка взорвали машину со снарядами, обстреляли конный обоз и легковую машину, неоднократно выводили из строя двигатели у тракторов.

Жители поселка не раз видели у могилы поэта выразительную фигуру Ивана Антоновича Антонова, который был известен как знаток поэзии Пушкина и выступал на последнем довоенном пушкинском празднике. Там он долго стоял обнажив, несмотря на мороз, голову и читал стихи. Собирались

ребята, слушали. Концовку «Бесов» он читал особенно выразительно с болью и гневом.

«— Вот мы и встретились с Александром Сергеевичем, — номолчав, иногда говорил старый крестьянин. — Пелегко и ему сейчас, вон как бесы окружили».

— А я вот в который раз «Евгения Онегина» читаю, хочу побыстрее выучить наизусть, чтобы прочесть на Пушкинский праздник этим летом, когда придут наши».

После разгрома немцев под Москвой жители с нетерпением ждали скорого освобождения.

К дню рождения А. С. Пушкина немцы развернули большую работу по лицемерному восхвалению русского культурного наследия.

Повсеместно было объявлено о приглашении посетить Пушкинский заповедник «Который по милости Адольфа Гитлера широко открывает двери музея А. С. Пушкина для освобожденных трудящихся и где бережно восстановлено все то, что связано с именем великого русского поэта и так дорого русскому народу».

Было объявлено, что немецкие оккупационные власти будут отмечать все крупные пушкинские даты. Предлагалось принести и добровольно сдать пушкинскому музею на хранение вещи, которые представляют историческую ценность, а также включиться в поиски тех предметов, что «исчезли из музея при бегстве Красной Армии».

Немецкие военно-хозяйственные коменданты Пушкинских Гор и Новоржева демонстративно вернули в музей мебель, картины из Пушкинского музея.

Широко проагандировалось сообщение немецкого командования под заголовком: «Немецкие солдаты спасли маску Пушкина»; «Кто не знает село Михайловское, где жил и творил А. С. Пушкин? Это село находится в Пушкинском районе Островского уезда. Пушкинский уголок от войны не пострадал. В селе Михайловском находится музей, экспонаты которого занимают 8 больших залов. На днях германской комендатурой передана в музей маска Пушкина, вынесенная германскими солдатами из горящего Царскосельского дворца... Благородный поступок немецких воинов вызывает глубокое восхищение и благодарность в сердце каждого истинно русского человека».

В Пушкинских Горах в лагере для военнопленных содержалось 150 советских хвоянов. Однажды жители стали свидетелями как они возлагали на могилу Пушкина венок, сделанный из полевых цветов, сбранных рядом с лагерем.

Многие пушкингорцы поверили немцам и сдали имеющиеся у них пушкинские реликвии. Как уже отмечалось, Николай Иванович Аксенов пытался вывезти ценности из Заповедника при эвакуации, но обоз не смог уйти на восток. Вернувшись, он вместе с рабочими закопал некоторые предметы в Михайловском парке. Все это видел пятилетний мальчик и позднее немцы через него установили место спрятанного. Аксенов по заданию Райкома остался в подполье рабочим.

Музей фашисты приспособили для пропаганды нового порядка. Здесь, рядом с бюстом Пушкина находились открытки с изображением Гитлера, календарь «Новая Европа», бронзоры, «Правда о Германии», «Адольф Гитлер и крестьяне», религиозная литература, листовки со стихами Пушкина и прочее.

Высокопоставленные чины ходили в сопровождении немецкого коменданта поселка, бургомистра и начальника полиции. Экскурсоводы назначались в зависимости от занимаемого «гостем» положения. Посетителей попроще обслуживали Афанасьев и его жена, хорошо знавшая немецкий язык.

* Г. А. Бакусов «В лесах за Соротью» Лениздат 1988, с. 59, 60, 67, 81.

Немецкие солдаты оставляли надписи в книге отзывов: «Мы, солдаты Великой Германии, побывали в музее, и увидели, как жили здесь при царе... как жили русские помещики». Были в тексте и такие отзывы: «...накопец нам представилась возможность попасть туда, куда нам 20 лет не было до-роги».

Затем немецкие солдаты направлялись в аллею Керн с ведрами и ложками, чтобы вволю поест, липового меду.

Можно было их застать в Михайловских лесах и в качестве охотников, причем стреляли даже из автоматов, а также заставляли лесников ловить певчих птиц.

А в восстанавливаемом монастыре среди рабочих специальной бригады можно было часто увидеть священника Дмитриева. Служил он в Казанской церкви и рассказывал об истории Святогорского монастыря, о его легендах, о Пушкине.

С позволения властей об окончании работ по восстановлению купола собора известили перезвоном всех колоколов церковей поселка. В день 106-й годовщины последнего посещения Пушкиным Святогорского монастыря в соборе проводилась служба и священник Дмитрий выступил с речью, он говорил, «что за крестным путем спасителя была слава воскресения, верим и знаем: за крестным путем русского народа и православной церкви тоже будет слава воскресения...». После этого отец Дмитрий к публичным выступлениям не допускался.

В Михайловском в день 143 годовщины со дня рождения поэта выступал долговязый Афанасьев, расхваливая царский режим, он, к примеру, сказал, что Николай 1 являлся духовным отцом Пушкина, другом его семьи и поэт ему был беспредельно предан, служа престолу. Какие же выводы мы можем сделать сейчас, почти полвека спустя после описываемых событий? Речь его, как и все предыдущие, была монархической направленности, все его поступки вытекали из его образа мыслей. Он не был изменником, как мы его представляли, многие годы и как о нем говорили. Он просто жил теми старыми монархистскими убеждениями, надеясь таким образом служить старой ушедшей России, так как новую он органически не принял. Афанасьев не чувствовал как его время ушло неозвратно, он его пережил и не мог уже догнать, верно, не хотел.

Правда, через несколько лет уже после войны, он сделает наивную попытку при отступлении немецких войск вскочить, образно говоря, в новый послевоенный трамвай, предъявив спасенные им бильярдные шары и кий, в Пушкинский Дом, но он уже будет изначально обречен и ему решительно ничего не останется выхода из зала суда, выходя из жизни в трагическую пропасть, кроме как пропеть известные куплеты: «Что наша жизнь, игра!».

Еще одна жертва, среди множества других неясных в минувшую войну! А ведь будь другое время, другая эпоха, была бы и другая судьба и этого литературно одаренного яркого человека.

Но это было потом, а пока читали свои стихи, посвященные годовщине «Избавления», никому не известные поэты, зарабатывающие кусок хлеба: Афанасьев спросил: «Кто из вас желает почитать стихи Александра Сергеевича Пушкина?»

Евгения Шабохина, библиотекарь управы, прочла отрывок из «Сна Татьяны», а Иван Антонович Антонов под аплодисменты собравшихся читал «Евгения Онегина». Затем состоялся концерт с участием немецкого духового оркестра. Балетной группы и певцов. Невесело зарабатывали они свой хлеб. Вечером проводилось молодежное гуляние. Житель деревни Лисицы Михайловского сельсовета Владимир Григорьевич Семенов позднее рассказывал: «Летом 1941 года, находясь в день Пушкина на молодежном гулянии в селе Михайловском, я спел частушки, высмеивающие начальника полиции Гордина. Находившийся на этом гулянье его заместитель Виктор Юпатов подо-

шел ко мне, с угрозой спросил, почему я позорю начальника полиции. Затем Юпатов приказал следовать за ним... и предупредил, чтобы я больше не пел таких частушек. Юпатов был в немецкой военной форме и с пистолетом. Я больше частушек не пел, но за меня пели другие парни. Полицейские нас разогнали».

Позднее группы полицейских разъезжали по деревням и наказывали так называемых «зачинщиков» беспорядков в Михайловском.

В июле 1942 года в Пушкинских Горах и Новоржеве фашисты произвели массовый расстрел цыган. Об ужасах тех дней долго рассказывали местные жители. От их рассказов стыла кровь в жилах. А в эти дни афиши в поселке призывали посетить гастролирующий рижский театр «Смех и грех».

Ежегодно с помпой отмечали немцы день 22 июня — «годовщину освобождения Псковщины от большевиков». По этому поводу во многих многолюдных местах поселка, в том числе и у могилы Пушкина появились изображения свастики. На монастырской стене был прикреплен большой щит, призывавший учиться говорить по-немецки, портреты Гитлера и фашистские флаги.

Во время «праздника» провели благодарственное богослужение в церк-вах. Играл военный оркестр. Пел хор. Провели с помпой «народный праздник в Михайловском», в заключение танцы на горе Закат.

К этим дням было приурочено и обновление креста на могиле отца Геннадия, настоятеля монастыря в Пушкинское время, похороненного рядом с могилой поэта.

Много внимания уделяла оккупационная пресса этим событиям. В газете «За Родину» публиковались «Частушки дяди Мития», с которыми регулярно выступал эмигрант В. Б. Клопотинский-Лери. Он, к примеру, опубликовал такие строки:

«Тот горох мы не собираем,
Что поклеван галками,
Девки наши уважают
Партизанов скалками».

В то же время, партизанское движение в Пушкинском крае росло. В полном смысле земля горела под ногами фашистов. По этому они шли на различные пропагандистские ухищрения. Руководил этой борьбой авторитетный человек, первый секретарь райкома партии Петр Михайлович Киманов. Замечательные операции провели партизаны на пушкинское земле. О том, как развивались события, о мужестве патриотов рассказывает его документальная книга «За холмами — Пушкинские Горы».⁵ К сожалению, автор не дождал до выхода ее из печати.

В ответ на действия партизан немцы усилили карательные операции.

Из донесений партизанских разведчиков:
«Летом 1943 года в Михайловском висело три трупа. Одеты они были в потертые ватники, на ногах рваные сапоги. На груди у каждого приколот бумажка. Написано по-русски: «Повешен как партизан». Вид казенных игоизводил очень тягостное впечатление. На их окровавленные обезображенные лица ужасно было смотреть. Видимо, повесили партизан недавно, а перед этим пытали».

Особенно зверствовали начальник полиции Федор Гордин и его помощник Юпатов. С садистским пристрастием допрашивали партизан, избивали резиновой дубинкой и кожаной плетью.

В 1943 году в Пушкинских Горах был проведен очередной «праздник освобождения». Он должен был продемонстрировать поддержку оккупантов.

⁵ П. Климов — За холмами Пушкинские горы. «Лениздат» 1975.

С этой целью в поселок прибыли «добровольцы» русской освободительной армии генерала Власова. Сам генерал торжественно принимал парад во Псково. На центральной площади поселка промаршировал его батальон. Прямо с парада «добровольцы» были брошены в бой с партизанами. Многие из них перешли на их сторону. Судьба их поистине трагична! Они оказались в сталинских лагерях.

Оккупационные власти вынуждены были уперевать через Соротв и Великую оставлять щиты: «Опасно! Здесь появляются партизаны! Ходить в одиночку и мелкими группами воспрещается».

Неоднократные попытки расправиться с партизанами не давали результатов. Патриоты сами активно переходили к решительным действиям. Так, в Михайловском лесу они взорвали штабную машину с гестаповцами. Большая партия леса была уничтожена, немцам не удалось использовать мемориальные деревья для инженерных сооружений. Жестокая борьба продолжалась.

Судьба музейных ценностей известна и документов того времени. Опись ценностей составлена К. В. Афанасьевым и электриком П. П. Святогородым в феврале 1943 г., вывоз вещей произведен осенью того же года. Фашисты вещи дөзевли лишь до Лиепай, затем бросили. Некоторые из них (кии, бильярдные шары) возвращены Афанасьевым из Прибалтики в Пушкинский Дом в Ленинград.*

Газеты писали: «Бойцы Красной Армии, которые стоят сейчас перед Пушкинскими Горами, нетерпеливо ждут момента, чтобы отомстить немецким варварам за их злодеяния, за их гнусные кощунства».

Говорили, что не раз летчик ст. лейтенант Иван Шмелев направлялся на фоторазведку через линию фронта. Его фотоаппараты украшают выставку, посвященную освобождению заповедника. Фотографировала Михайловское и спецгруппа наземной фоторазведки майора Алексея Гордеева.

Голос немецкого писателя-антифашиста Вилли Бределя звучал над позициями неприятеля, призывая их сложить оружие. Была выпущена листовка под названием «Вернем Родине нашу святыню — места, где жил Пушкин. Пушкинисты Д. Благой и Н. Гудзай находились в действующей армии накануне освобождения заповедника, вдохновляя воинов на ратные подвиги.

В газете «Пушкинский край» С. С. Гейченко отмечал, что в деревне Зимари находилась в те дни лучшая батарея снайпера Анны Нестеровой. Было обнаружено черное пятнышко дула орудия, установленного в центре Дома поэта и тщательно замаскированного. Обнаружив орудие, Анна Нестерова хирургическим ударом уничтожила его. Так ли это или легенда знаменитого мистификатора, сейчас сказать невозможно. Но известно, что немцы отшли в глубь Михайловского парка 4 мая в два часа дня и дом-музей вспыхнул яркой свечой.

В оперативной сводке Совинформбюро за 14 июля 1944 года говорилось: «Западнее г. Новоржева наши войска овладели 12 июля районным центром Калининской области Пушкинские горы, а также с боями заняли более 30 других населенных пунктов, в том числе крупные населенные пункты Воронич, Лугово, Нотахново, Гарики, Чухны и железнодорожная станция Тригорское».**

Это был день, которого три года ждали, день освобождения. Пройдут годы, но никогда не померкнет в истории день, который многие приближали

* Известия 14 июля 1944 № 166 (8468).

† А. Чаковский «Пушкинские горы» «Известия» 18 июля 1944. ч. 2.

** Бильярдные шары, утерянные во время войны, вновь сделаны местным умельцем Вл. Самородским.

** Орфография 1944 г.

как могли. Ежегодно к могилам воинов-героев ложатся букеты цветов — они спасли нашу культуру, спасли Пушкина, Вечная им слава! Воины освободители похоронены у стен древнего Святогорского монастыря.

Однако зрелище, открывшееся перед живыми, напоминало кошмарный сон, фильмом ужасов. Писатель Александр Чаковский в очерке «Пушкинские Горы» отмечал: «Странно сейчас в Пушкинских Горах. Мусором завалены надгробные плиты Ганнибалов. Какой-то злобный немец, очевидно долго трудился над тем, чтобы стереть с них столетние надписи. Мраморная ограда вокруг могил Пушкина и Ганнибала исчернела десятками немецких подписей».

Святогорский монастырь, столетиями стоявший неизбежно, ныне обоглавлен немцами. Купол церкви взорван, горы щебня высются у входа, повсюду торчат обгорелые балки.

В монастыре мрак, пахнет гарью. Нет полов. Они разобраны и доски можно найти в немецких землянках, вырытых вокруг монастыря. Иконы валяются среди поломанной церковной утвари... Взорвано все — кельи, монастырская трапезная, дом игумена... Разрушена широкая монастырская лестница; трава растет на потрескавших разбитых ступенях.

...Взорван дом-музей Пушкина. Разрушен домик Арины Родионовны, няни поэта. Нет здесь больше домов. Есть лишь горы щебня, стекла и железа. Но зато комфортабельно отделили немцы в Михайловском парке пятиканатный офицерский блиндаж.

...Мы сидели на склоне горы — подполковник, боец-связной и я.

— Почти три года прошло с тех пор, — рассказывал подполковник. Вот там проходила наша оборона. С горы ее видно хорошо. Я был тогда старшим лейтенантом, заместителем командира батальона, а комбатом — капитан Николай Луквич Фомин. И вот бросили наш батальон на этот участок.

...Начался бой. Не знаю, может быть громкой фразой покажется, но шли мы в этот бой с Пушкиным в сердце. Командир роты Попов, лейтенант кричал, поднимая бойцов: «За Пушкина!». И мы дрались упорно, сделали все, что могли.

Комбат Николай Фомин вел бойцов в контратаку, дрались в рукопашную. Его смертельно ранило. Ранен был и комиссар. Я принял командование. Когда мы получили приказ отойти, комбат был еще жив и мы несли его на плащ-палатке, я, Кузьмин и два бойца. У этой горы комбат умер и похоронили его вот тут, на склоне.

Подполковник встал.

Теперь, — сказал он, — мы вернулись сюда победителями, но могилы нашего комбата отыскать не можем. Может под камнями она.

Подполковник положил немного живых цветов на могилу поэта, и мы расстались. Офицер и боец пошли к себе в расположенную неподалеку часть, а я стал спускаться по монастырской лестнице к дороге, по которой двигались, возвращавшиеся к родным очагам советские люди.

...В газете «Известия» в конце августа было опубликовано сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии.⁶

В комиссию входили писатели: Н. Тихонов, Л. Леонов, К. Федин, ученые Института Литературы (Пушкинский Дом) П. Лебедев-Полянский, Б. Шапошников. Комиссия, работая с 26 июля по 1 августа 1944 г. в Пушкинских Горах установила преступные действия немецко-фашистских захватчиков — были уничтожены — построенный перед войной, Дом-музей А. С. Пушкина, единственный постройка пушкинской эпохи — домик няни, взорван старинный собор 1568 года Святогорского монастыря, была заминирована и подготовлена к взрыву могила А. С. Пушкина.

Около 700 жителей пушкинских деревень угнали в Германию. Немецкий

⁶ «Известия» 29 августа 1944 № 205 (8507).

инженер Иосиф Амехь приказал вырубить 30 тыс. кв. м леса в окрестностях Гитлеровцы заминировали Михайловский и Тригорские парки, вырыли систему многокилометровую окопов, траншей и прочих оборонительных укреплений, уничтожили арку при входе в Михайловское и закладную плиту памятника поэту (1937 г.).

По заданию Пушкинского Дома в освобожденных районах побывал известный литературовед В. Евгеньев-Максимов. Он хорошо знал эти места по довоенным временам. Теперь же вот что он увидел: «Зрелище, открывшееся перед нашими глазами, глубоко нас потрясло. Цветущий в недавнем прошлом городок почти целиком разрушен. Разрушен не во время боя а разрушен в канун отступления, разрушен с методической систематичностью, исключительно ради того, чтобы «сорвать злость», чтобы «напакостить».

Торопимся к высокому холму, на котором расположен древний Святогорский монастырь. В ограде его — могила Пушкина.

Массивные монастырские здания взорваны — от них остались только стены с пустыми глазницами окон, в которых нет и следов не только стекла, но и рам.

...Храм, интерьер которого образец древнерусского зодчества, пострадал сильно, но устоял: как старый боец, не уходит, хотя тело покрыто ранами, так и древний Святогорский храм стоит и прикрывает своими узувеченными стенами врученную ему народную святыню — могилу Пушкина.

Мне, как старейшему, пришлось сказать несколько слов при возложении венка. Я постарался выразить ту мысль, что Пушкин особенно близок нашему времени, ибо его светозарное, жизнеутверждающее творчество воплотило в себе победу начал света, разума, культуры над началом мрака, невежества, варварства, воплощенного в смрадном германском фашизме, раздавленном героическими сынами народа, объединенного в великую, победоносную Красную Армию.

Вскоре после митинга на могиле мы отправились в Михайловское. Нередко по обочинам дороги попадаются дощечки с надписью «мины».

...Несколько огромных деревьев, которые не охватить руками, срублены у основания, «голый» фундамент на месте того дома, где помещался пушкинский музей, и на месте соседних флигелей. От домика няни, единственного строения, уцелевшего до начала войны от пушкинских времен, осталась только полуразрушенная печь.

...Напрасно немцы боялись: на территории Михайловского, расположенного на переднем крае обороны, мы видели груды расстрелянных немецких гильз и не видели ни одной воронки от русского снаряда. Местные жители утверждают, что русская артиллерия не обстреливала Михайловского, хотя оно в значительной степени являлось ключом немецкой обороны.⁹

С волнением поэт-партизан И. В. Виноградов отразил чувства всех воинов:

Да, Пушкин! Великий человек
Ты жив среди советского народа
Победно торжествует в этот век
Воспетая в твоих стихах свобода.

Когда гремели грозные бои,
И враг кровавую готовил тризну,
Мы в сумках полевых стихи твои
Несли в бою, сражаясь за Отчизну!

⁹ «В Пушкинском заповеднике». «Ленинградская правда» 4 июля 1945 г. № 153 (9188).

Как сына вечно не забудет мать,
Так и тебя народ. И в каждой деревушке
Ты будешь солнцем пламенным опять
Бессмертный человек наш Пушкин!».

Множество мыслей и чувств рождала в те незабываемые дни могила поэта. Мимо нее на Запад проходили доблестные воины. В первые дни после освобождения повсюду были надписи: «Заминировано». На территории Святогорского монастыря подорвалось несколько бойцов. У могилы поэта несколько дней была дощечка с надписью «Могила А. С. Пушкина заминирована. Входить нельзя. Старший лейтенант Старчеус*». Благодаря этим людям удалось предотвратить ее взрыв. Гитлеровцы, отступая, заложили хитроумные мины, в траншеи были обнаружены мощные фугасы. И лишь стремительное продвижение нашей армии и решительные действия саперов 12 национальной во главе с Григорием Ивановичем Старчеусом спасли святыню русского народа. Россия им вечно будет благодарна!

Еще окончательно могила поэта не была разминирована, еще не территории Святогорского монастыря работали саперы, по стремление быть ближе к Пушкину, приблизиться к духовному было слишком велико. Оркестр виртуозов в составе военных музыкантов А. Дмитриева, А. Фишермана, А. Сударева и А. Кузнецова, приотвинувшись у стены собора, исполнял романсы и струнные квартеты П. И. Чайковского. Подъехал командующий фронтом генерал П. Масленников и заслушался их ярким исполнением. Вдруг неожиданно сапер, приглядевшись, вытащил прямо из-под его ног огромную мину.

А мимо могилы непрерывным потоком шли на фронт войска. Война еще продолжалась почти год.

Два сапера погибли на территории Заповедника. Одного из них похоронили у входа. Позже на могильной плите появились стихи М. Дудина:

«Здесь похоронен воин неизвестный
Освободивший Родины святыню.
Везмерной славы мужество достойно
Идущий мимо голову склонил».

Здесь у этого места завершаются экскурсии по Заповеднику. Здесь отдаст дань памяти тем, кто жертвовал своей жизнью ради нашей культуры, ради Пушкина. Здесь святое место России.

«Были среди жертв группа солдат, вместе с командиром одного из саперных подразделений пришла к Святогорскому монастырю, чтобы погрузить в машину и увезти. Командир взял одну из них. Встал к машине, собрал солдат и стал им объяснять приемы разминирования. В руках командира мина взорвалась, сдетонировали те, что были в машине. При взрыве погиб командир, погибли все солдаты. Взрывная волна была настолько сильной, что наш домик на Лесной улице, за горкой и лесом, сильно встряхнуло. Мы поняли, что случилась беда, побежали на взрыв. У хойма на дороге лежала перевернутая грузовая машина».¹⁰

А недалеко от монастырских ворот подорвался на mine в первые дни освобождения при игре с нею кирилловский школьник по кличке «Сталин». Так звали все тогда этого бесстрашного храбреца, отчаянного заводилу детских забав того времени.

В те незабываемые дни появились слабые, но от всего сердца идущие строчки фронтового поэта Петрова:

¹⁰ Л. М. Киманов «За холмами Пушкинские горы». Лениздат 1975, с. 152.

* Новые данные о разминировании Пушкинского заповедника опубликованы в апреле 1995 в газете «Пушкинский край».

* Многие в Пушкинских Горах имели «клички» того времени.

«...И сняв пилотки, жесткие от пыли, Смахнув с лица соленый, жгучий пот, Бойцы приходят к пушкинской могиле Тропой, что никогда не зарастет.

Им нет конца. Взгляни с какой любовью
На строгий глянец мраморной плиты
Несут они с полей, политых кровью
Простые и прекрасные цветы.

25 августа 1944 года зам. директора заповедника Н. И. Аксенов и лесник Кондратьев Е. К. подписали акт приемки заповедника. В акте в частности говорилось о Доме-музее: «В доме 6 печей. Фундамент может быть полностью восстановлен»; по поводу Михайловского парка: «...На липовой аллее 3 липы повалены, на еловой аллее 4 ели сломаны, 21 дерево спилено».

«Общая площадь Пушкинского Заповедника — 569 гектар. Из них: сельцо Михайловское — лес 448 га, луга 26 га, пахота 18 га; парк Тригорское — лес 38 га, луга 10 га, пахота 9 га; парк Петровское — лес 8 га, луга 12 га.

Самая большая площадь лесного массива находится в Михайловском, называемая «Михайловская роща». Преобладающая порода деревьев: сосна — 65 процентов, ель — 30 процентов, прочих — 5 процентов. В указанный массив включаются липовая и еловая аллеи.

В Михайловском размещены были Музей, построенный в 1937 году в годовщину смерти А. С. Пушкина на старом фундаменте быв. дома поэта. Внешнее оформление его не соответствовало виду времен Пушкина, даже трудно было определить, что за стиль здания, население и некоторые люди науки просто называли его «речной вокзал», внутренняя планировка была из 8 комнат, в которых были размещены до 3000 музейных экспонатов: родословная, детство, жизнь и творчество, современники А. С. Пушкина, художественная бронза, картины, скульптура, гравюры, мебель, некоторые предметы были личного пользования поэта. Все ценности — экспонаты музея вывезены немецкими оккупантами в Германию на 40 грузовых автомобилях.

Домик няни Арины Родионовны. Единственная сохранившаяся постройка времени А. С. Пушкина, до 1941 года. Во время оккупации фашистами совершенно разрушен (см. акт от 25 августа 1944 г.). Внутренняя планировка, две комнаты разделены в середине проходом (сени) с двумя входами, две печи, пол деревянный крапчатый, стены оштукатурены, внешний вид представляет пятистенный дом в русском стиле, крыша крытая дранкой, бревенчатые стены, обшитые тесом, установлены на кирпичных столбах с уровнем земли.

Остальные здания — 4 дома относятся к позднейшей постройке к 1899—1911 годам. Дом, в котором была размещена библиотека до 5000 томов, старый музей, позднее занимало несколько помещений администрация заповедника, совершенно сожжен.

Три дома в полуразрушенном виде требуют капитального ремонта, есть основательное предположение, что из них два дома будут перенесены на то место, как они были расположены — построены при жизни А. С. Пушкина, на что будет дано заключение научными сотрудниками по изучению упомянутого вопроса.

В девяностых годах сын А. С. Пушкина — Григорий Александрович ввиду упадка его имени и других обстоятельств, продает Михайловское. Усадьба со всем движимым и недвижимым имуществом переходит в ведение Псковской дворянской опеки, последняя построила несколько зданий для престарелых писателей по проекту архитектора Шуко, без учета расположения постройки, как они были при жизни поэта, а также их внешнего вида. В ведении дворянской опеки Михайловское находилось до 1918 года.

В 1918 году до Пушкина — музей был сожжен, библиотека, вещи и предметы, лично принадлежавшие А. С. Пушкину, погибли, а небольшая часть были расхищены местным населением, впоследствии часть предметов была найдена и возвращена в музей.

До 1923 года Михайловская усадьба, лес-роща, оставшиеся постройки и др. имущество находились под «охраной» местной власти, со слов старожилов — без преувеличения можно сказать, что вся усадьба была бесхозная, местные крестьяне лес вывозили для личного пользования без всякого контроля. За этот период появились «лесозаготовители» по вырубке Михайловской рощи, не имея никаких разрешений. В результате местные крестьяне дер. Бугрово, Березино, Кириллово и др., видя самовольное потребление леса, прогнали «Заготовителей» и даже дело дошло до физического насилия.

В 1923 году (дата названа ошибочно) Декретом Совета Народных Комиссаров Пушкинская усадьба, с Михайловское, Святогорский монастырь с могилой — памятником А. С. Пушкина, Тригорское, Петровское было объявлено как национальное достояние нашей страны «Пушкинским Заповедником», вошедший в систему Народного Комиссариата Просвещения РСФСР с непосредственным руководством Ленинградского Областного отдела народного образования.

До 1938 года Пушкинский Заповедник переживал переходный период. На территории заповедника Лен. области отделом народного образования был организован животноводческий совхоз «Пушкинский уголок», цель которого была развитие животноводческого хозяйства, хранения мемориальных памятников, могилы А. С. Пушкина, Святогорского монастыря. До 1928 года (замечание: по некоторым данным 1926 г.) в соборе периодически имела место церковная служба. Михайловские рощи, Тригорского и Петровского парков совершенно не было, даже название «Пушкинский заповедник» было переименовано в «Пушкинский уголок», что противоречило постановлению Совнаркома, местные организации смотрели на заповедник как придаток, обременяющий их деятельность.

Конечно, всякая работа в области культурно-просветительной, связанная с жизнью и творчеством, значение исторических мест, где великий русский поэт провел заточение-ссылку, где им были написаны «Борис Годунов», часть «Евгения Онегина», «Цыгань», и др. классические произведения — работы по разъяснению никакой не проводилось, а она и не могла быть, ибо руководители совхоза др., смотрели как на не нужное дело.

Так продолжалось до 1930 года.

В 1930—1931 гг. Пушкинский заповедник посетили старший научный сотрудник Калаушин М. М., профессор Романов К. К. и др. работники Института Литературы Академии Наук СССР, ими было опубликовано ряд статей в центральной печати и в газете «Ленинградская правда» о вопиющих безобразиях в нарушении Декрета Совнаркома от 1923 года (1922 г.) и положения о Пушкинском заповеднике, тяжба длилась между Наркоматом Просвещения РСФСР и Академией Наук СССР свыше двух лет.

В 1933 году постановлением Совета Народных Комиссаров «Пушкинский заповедник» был передан Академии Наук СССР под непосредственное руководство Института Литературы Академии Наук СССР в Ленинграде, в ведении которого находится по настоящее время.

За период 1933 до 1944 гг. Пушкинский заповедник првел огромную работу в области культурно-просветительной и воспитательной среди населения не только ближайших районов, но и по ряду областей Советского Союза.

Столетие со дня смерти А. С. Пушкина в 1937 г. заповедник официально посетили: члены Правительства СССР, академики, профессора, ученые, литераторы, колхозники, студенты, рабочие и служащие со всех уголков нашей родины, свыше 85.000 человек. Присутствовал правнук поэта А. С. Пушкина,

боец РККА. Ежегодно, начиная с 1934 по 1941 г. в день рождения поэта — 6-го июня собиралось народу от 20 до 30000 человек из самых далеких мест Советского Союза. Как пример, можно привести цифровые данные 1939 года. Организованных групповых экскурсий прошло 267, с общим посещением 6488 чел. Экскурсантов неорганизованных — одиночек 11700 чел. Посетило памятник, могилу и Тригорское 9172 чел. В день 6-го июня посетило общее количество 27000 чел. Общая посещаемость всех пушкинских мест в заповеднике за 1939 г. — 54.358 чел.

При заповеднике была организована Туристская база на 64 места, где экскурсанты могли получить разумное развлечение и доступный полный пансион.

Пушкинский заповедник пользуется огромной популярностью среди населения. Население его называет «Наш любимый Пушкинский заповедник». Среди местного населения за 1939 год было проведено: докладов 17, лекций — 26, бесед среди колхозников — 62. Тема в большей части была «Жизнь и творчество А. С. Пушкина». После изгнания фашистской нечести, Пушкинский заповедник, могилу-памятник поэта, Тригорский парк посетило много экскурсантов как групповых, так и одиночек, в особенности много военных. Подсобное хозяйство заповедника небольшое (в настоящее время сильно разрушено), главным образом служит для помощи научным сотрудникам и обслуживающему персоналу.

II. «КТО НАСЛАЖДЕНИЕ ПРЕКРАСНЫМ В ПРЕКРАСНЫЙ ПОЛУЧИЛ УДЕЛ...»

22 февраля 1945 г. Зам. директора заповедника Н. Аксенов¹¹

Незадолго по окончании войны правительство принимает решение с срочном восстановлении Пушкинского заповедника, как одного из крупнейших культурно-исторических и научных памятников». Президиум Академии Наук на этой основе 21 апреля 1945 года определил план практических мероприятий.

Вавилов С. И. — человек трагической судьбы, стал президентом Академии Наук СССР в 1945 году. Незадолго до этого, его брат, Николай Иванович, известный генетик, директор Всесоюзного института растениеводства, президент Сельскохозяйственной академии, погиб в сталинских лагерях. Сталину Вавилов был не нужен.

Человек исключительных качеств, глубоко интеллигентный, он много думал о трагической судьбе брата и стремился поддержать людей с изломанной жизнью, ободрить их.

Гениальный физик много работал над проблемами военной оптики и, являлся личностью мировой величины. Трагизм его жизни выявился после смерти. Когда он умер, на сердце президента обнаружили семь швов.

Для того, чтобы оценить сделанное им, вспомним юношеские годы.

Впервые С. И. Вавилов увидел пушкинскую землю до I мировой войны в июне 1913 года, а позднее он служил в г. Острове прапорщиком и в летнее время проходил пешком до Святых Гор и обратно более 120 километров.

Знакомство с этими местами произошло незадолго до его очередного юношеского путешествия в Италию. Об этом рассказывает Вавилов С. И. —

¹¹ Гос. Архив Псковской области Р-903, оп. 3, л. 66, л. 18—20.

Дневник С. И. Вавилова — книжка в черном переплете 13x16 см. В ней 189 страниц текста, заполненных мелким почерком, то карандашом, то чернилами. Первая запись сделана 2 июня, последняя 23 июля 1913 г.

дневник с надписью «Дневник моих последних эстетических странствий», или Трагическая мемория физика, запряженного волею рока в эстетический хомут».

Приводим записи из дневника. Они сыграли особую роль в судьбе С. И. Вавилова 2 июня 1913 г. **Троицын день.**

— Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего.

А. С. Пушкин

(26 сент. 1835. Михайловское)

Пришлось увидеть «младое племя» уже старым и одряхлевшим.*

Ехали сегодня на дробозажачей, безрессорной таратайке, подвергаясь мукам, чтобы поклониться великому праху. Поклонился. Как хорошо! Увидеть необыкновенный для России пейзаж Святых Гор, старая могучая церковь, новгородской архитектуры и рядом под прекрасным большим памятником почитают останки поэта. Закатное солнце, грозно выглядывая из-за туч, озаряет мрамор памятника. Величественно и грустно. На уме пушкинские фразы, пушкинские слова. Для меня Пушкин — венец надежды. Когда я буду погибать, может быть, одной рукой схвачусь за Евангелие, другой, несомненно, за творения Пушкина.

3 июня 1913 г.

Был в Михайловском и Тригорском у истоков пушкинской лиры. Пушкин стал мне родным, это не Гете и Шекспир, это дорогой Александр Сергеевич. Знаю, что все преувеличено, но Пушкина люблю, его фразы стали законом. Кругом обычная чухуа, «престарелые в усадьбе вечно юного Пушкина (ведьмы Трахтенберга), разодетые аптекарши и трактирщицы... и рядом святое святых русской красоты и духа — Пушкин.

...Какая сила в этих кристально твердых и прекрасных стихах!

Сила магическая, беспрекословная и несомненная.

Пушкину я верю, и Пушкина люблю.

Дневниковые записи юноши С. И. Вавилова заканчиваются стихотворением В. А. Жуковскому

(5 июня в поезде)

Блажен, кто знает сладость
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И свой восторг уразумел.
(Восторгом пламенным и ясным).

(1818)

И очевидно неслучайно молодой С. И. Вавилов прямо из пушкинских мест едет в Италию и пишет замечательные статьи о городах этой страны Вероне и Арреццо.

...Много с тех пор прошло лет, и каких!

«Правда всегда в конечном итоге берет верх над ложью, — любил повторять С. И. Вавилов, — но иногда для этого не хватает человеку жизни».

Возникает вопрос, почему академик принял предложение Сталина возглавлять Академию и стать заложником тирана. А если бы он отказался? Жертвовал ли в этом случае только своей жизнью? Идя в первые послевоенные годы навстречу своей смерти, в труднейших условиях каждодневно вы-

* С. И. Вавилов увидел пушкинские сосны, через много лет после написания этого стихотворения.

полняя непосильную работу, С. И. Вавилов жертвовал не только собой ради науки, ради ее будущего, но он сумел предотвратить назначение на этот пост, как считают многие, А. Я. Вышинского.

Благотворна роль С. И. Вавилова в проведении юбилеев И. Ньютона, (1943), Лукреция (1946): «Слово о полку Игореве» (1946 г.), восстановления Кунсткамеры, выпуске серии «Литературных памятников редактирования БТЭ) и других делах. Создании общества «Знание». Он постоянно колебался между физикой и искусством. За годы его президентства было открыто 50 новых институтов и других учреждений системы АН СССР.

В журнале «Nature» известный физик и общественный деятель Джон Бернал писал в связи с его смертью: «Он умер на посту, по всей вероятности в результате переутомления. Однако проделанная им работа на благо Родины превосходит выпадающую на одного человека.* Наряду с Ломоносовым его будут считать одним из создателей науки в СССР.» («Nature» 1951 Вол 168 № 4277 P. 679). Именем С. И. Вавилова и его брата Н. И. Вавилова названа Малая планета 2862, открытая И. С. Черных 15 мая 1977 г.

Над возрожденными Пушкинскими Горами стремительно проносится Малая планета Братьев Вавиловых, как символ вечности науки и культуры.

Известный научный работник Матвей Матвеевич Калаушин порекомендовал назначить на пост директора Заповедника своего доброго знакомого по довоенному Петербургу, своего друга, экскурсовода, автора краеведческих работ, инвалида Великой Отечественной войны, человека до этого никогда не занимавшегося пушкинскими проблемами, но хорошего организатора, с ключевой энергией Семена Степановича Гейченко, которому суждено было длительный период возглавлять Заповедник.

М. М. Калущин был опытный человек, под его руководством было подготовлено к открытию большое число литературных музеев в стране, работал в Пушкинском музее в Царском Селе, но он не учел некоторых отрицательных черт личности С. С. Гейченко, которые через несколько лет сыграли роковую роль в его судьбе.

...В качестве поддержки Заповеднику правительство выделило 10 млн. рублей со сроком реализации их в течение 3,5 лет к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Сталин поручил С. И. Вавилову подготовить юбилей Пушкина и развернуть в связи с этим большие восстановительные работы; это совпало с желанием самого Президента. Он постоянно вспоминал древнюю мудрость «Поэзия — это сознание своей правоты». Друзья академика как-то подсчитали, что у него имелось разных изданий книг о Пушкине — несколько полок.

Но как же сложилась жизнь будущего директора С. С. Гейченко? Прежде послушаем его самого, что он говорил бездоказательно через много лет после окончания войны:

«В сорок третьем меня освободили и направили в школу преподавать русский язык и литературу, а через полмесяца — направили сюда. Академику хотелось воздвигнуть Пушкину величественный пантеон в Царском Селе, возле Лицея. Мыслями своими Сергей Иванович поделился с Гейченко, предлагая перевезти отсанки поэта накануне его столетия. Но Семен Степанович буквально восстал... Его довод был ясен и прост: никто не имеет права покушаться на волю почившего, сколь не были высоки мотивы. Пушкин сам выбрал Святогорье, купил себе два аршина земли, чтобы пред его покоилась рядом с предками в согласии с древнейшим обычаем... И более того волю свою поэтизировал как наказ всякому доброму, честному человеку, любящему семью, державу и родную землю: «И хоть бесчувственному телу равно повсюду истлевать, во ближе к милему пределу мне все б хотелось почивать...»

* С. И. Вавилов — Очерки и воспоминания. М. Наука, 1991 г. с. 302, 317.

Президент не ожидал такого непримиримого отпора и уже более спокойно попытался уступить, что сделать это надо ради самого Пушкина и народа русского. Рядом с Ленинградом, крупнейшим культурным центром, могила Пушкина будет «меккой», местом паломничества. Сюда придут миллионы. После такой страшной войны необходим духовный подъем. Он и будет нашим Богом. Сергей Иванович убеждал умело, опираясь на свои глубокие чувства к Пушкину. Мы должны сделать все во благо великого гения», — считал он.

Но согласия президент и директор заповедника не нашли. Сергей Иванович огорчился и несколько охладел к заботам Михайловского.*

Не думаю, что подобные проблемы решались без участия Сталина. Без «вождей народов» в то время ничего нельзя было сделать. Это характерный пример легкомысленного отношения к своему делу человека, писавшего книгу.

Официально на пост директора Заповедника Семен Степанович Гейченко был утвержден 25 июля 1945 года. Сорок шесть лет продолжался сложный, противоречивый период пребывания его на этом посту, с которым связаны и свет, и тени заповедника. В том числе и об этом попытаемся продолжить повествование, где будет медленный подъем нашего героя к славе, но в конечном итоге крах этого сложного, по-своему трагически-талантливого человека.

Между тем возвращались старейшие работники заповедника. В сентябре 1944 приехала Вера Константиновна Зажурило, приезжавшая в Пушкинские места с 1984 по 1941 год. Затем заповедник посетил директор Пушкинского Дома — Лебедев-Полянский П. М. и другие. Так началось долгожданное Возрождение... Вскоре прибыли найденные в Прибалтике документы и материалы.

НЕОБХОДИМЫЕ ДОБАВЛЕНИЯ. (История со Смоленским архивом)

Порой происходят неожиданные события. В 1945 году они были связаны с войной. В нашей печати часто встречаются ссылки на документы из Смоленского архива, вывезенного немцами, а позднее попавшего в США... Из отчета Центрального партийного архива: «Незадолго до окончания Великой Отечественной войны около г. Освенцим на железной станции Пщыпа наши воины захватили немецкий эшелон. В вагонах обнаружилось большое количество экспонатов и архивных материалов».

Всего учтено до 150 тыс. экз. книг и 100 тыс. экз. журналов из Белоруссии, Смоленска, Пскова и т. д. ... Обнаружено около 10 ящиков книг, музейных экспонатов и картин, имеющих на себя ярлыки с надписью «Ленинград». Часть картин принадлежит Пушкинскому заповеднику... Полагал бы необходимым послать представителей соответ. организаций для вывоза указанных ценностей и архивных документов в СССР. Докладываю на Ваше решение.

...Среди книжного фонда упакованные в 4-х книжных ящиках книги, принадлежащие одному из Пушкинских музеев. Кроме того, в 10-ти ящиках упаковано: 11 написанных маслом портретов Пушкина и его современников, бронзовый бюст Пушкина и его гипсовая маска, 80 различных витрин с музейными экспонатами, два старинных самовара, старинные часы, подсвечники и старинная шкатулка...

* Ар. Ларионов. — «Заповеди блаженства». М. Сов. писатель. 1991 г., с. 23—24.

* Из докладной записки И. В. Шикина, зам. начальника Главного политического управления РККА от 13.1945 г. в ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову:

** ЦПА г. 17 оп 125 т. 308 л. 11—12.

...На документах данного архива написано много исторических трудов... напр. Ульям Розенберг. «Смоленск в 1920-е годы» и многие другие. Что же касается возвращения «Смоленского архива» из СКА в СССР, то документов, связанных с этим вопросом, в Центр. партийном архиве обнаружить не удалось.

II. ПУШКИН ЕСТЬ У РОССИИ, КАК МОЛИТВУ ТВОРЮ!

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселый и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

1835 г.

Первый послевоенный пушкинский праздник поэзии... На разоренной земле, в голодной стране, среди развалин былого он воспринимался как надежда на творческие силы России, как появление сказочной птицы Феникс, восстанавливающей вновь из пепла.

10 июня 1945 года на зеленой поляне об этом с волнением говорили председатель Пушкиногорского исполкома Н. Гордиенко, литературовед В. Евгеньев-Максимов, артистка Н. Номаровская и другие. От большого напряжения Евгеньев-Максимов читал стихи, сбился и их продолжил старый крестьянин Антонов, принимавший участие в последнем предвоенном празднике поэзии. И это воспринималось как знаменательный символический эпизод. Поэзия в те дни помогала преодолевать горе и разлуку.

В октябре уже приступили по проекту архитектора Варановского к восстановлению домика няни.

Вновь слово ветерану войны и труда Зое Михайловне Ивановой:

«Сразу же после войны началось восстановление. Первым начальником этой стройки был ленинградец Смирнов Иван Иванович, полный, лысеющий болезненный человек. Мы его видели в чистой белоснежной рубашке. Контора «Ленакадемстрой», которая прислала И. И. Смирнова находилась в Ленинграде на Гороховой улице.

В 1947 году был объявлен через газеты местную и областную большой набор рабочих на восстановление Пушкинских мест. Люди со всех сторон приезжали на эту стройку. Появились новые автомашины, которых в это время в посёлке не было. Платили мало, задерживали зарплату. Но рабочим, выполнявшим норму, выдавали по 1 кг хлеба и наша бригада девушек всегда выполняла норму и мы несли наш хлеб домой, где нас еще ждали семьи.

Нам надо было строить, во-первых, дороги. Кто не знает дорог на Псковщине! Сколько от них зависело. Дороги от Бугрова до Пушкинских Гор почти утонули в грязи. И весной проехать там было невозможно. Место это называлось в народе «Черный ручей», там совсем не проехать. Поэтому подвезли несколько десятков, а может быть и сотен кубометров щебня, битого кирпича, почти весь собор Никольский поглотила эта дорога, которая протянулась

на больше километра. Одновременно велась работа по постройке домов-кардонов по окраине леса заповедника на совершенно пустом месте. На месте деревни Савкино был лишь один домик. Заложили благоустроенные домики для работников заповедника. Не по месяцам, а по дням поднимались из редкого соснового леса-строевика дом-музей и домик няни. А лес строевой теми же Тонями, Ниями, Жорами был заготовлен и вывезен с Новоржевских дач, пригнан плотами по реке Сороти до Савкина, где выгружался—вытаскивался на берег этими же девушками.

Весь этот лес для будущего музея рубили, ставили строго по ранее разработанным планам, по фотографиям, чертежам, которые были привезены из Ленинграда, с улицы Гороховой. Наши рабочие — мужчины без образования, но с мудрым житейским опытом, со сметкой решали домики няни, а потом и дом-музей А. С. Пушкина.

Не могу не вспомнить Голубеву (Федорову) Антонину Федоровну — заслуженного строителя РСФСР, Дмитриеву Ницу, Степанову Людмилу, Прокофьева Илью Филипповича, столяра Евдокимова Николая, старейшего продавца книг Григорьеву Анну Яковлевну и многих других. Большое спасибо им за труд, за любовь к земле нашей!

Многое нужно было восстановить. У скамьи Онегина засыпали блиндаж, ликвидировали наблюдательный пункт. Ель-шатер была пробита снарядами, кругом мины. Около дуба уединенного засыпали бункер и, наконец, дуб великан расцвел. Семь девушек целый месяц приводили в порядок Тригорское. А в братском корпусе находилась хлебопекарня для строителей. Так возрождался заповедник!»¹³

Набор рабочих происходил на Гороховой улице в Ленинграде. Работали не покладая рук, не жалею сил. Первая партия рабочих из 30 человек приехала 26 февраля 1945 г.¹⁴

Через несколько лет неожиданно в обкомовском кабинете И. И. Смирнов умер, и на место начальника стройки назначили А. И. Востокова, под его руководством восстановили мемориальные здания. Зам. прораба был Алексеев Иван Алексеевич, ветеран войны, фронтовик, участник Сталинградской битвы. Строители Академстроя ежемесячно приезжали, спорили с архитектором Л. И. Рожновым до хрипоты, со многим не соглашались. От озера Маленца на себе в Михайловское таскали лес. Зато и радость была на всех одна.

В 1949 году в связи с окончанием строительства многие строители получили персональные премии от президента Академии Наук СССР. Затем специалисты Академстроя вместе с А. И. Востоковым восстанавливали Пулковскую обсерваторию под Ленинградом.

В отчете за 1945 говорится, что за год снято 5 км проволочных заграждений, ликвидировано 500 м окопов и траншей. Проведена передача имеющегося музыкального имущества в действующую церковь, организованы передвижные пушкинские выставки. В октябре завершили разминирование Петровского. Провели 2 торжественных пушкинских собрания. Первыми послевоенными экскурсоводами стали Л. Н. Назарова, Р. К. Фрейдель, Л. Д. Сулейманова, А. И. Шаповалова. Многие из них работали в Заповеднике до войны. Уже в 1945 году заповедник посетило 13,5 тыс. человек.

Сотрудники ИРЛИ В. К. Зажурило и Е. М. Хмелевская приняли от зам. директора заповедника Н. И. Ансенова 14 ящиков с имуществом Пушкинского Заповедника вывезенных немцами в Германию, для временного хранения. В Тригорском стали создавать Дом отдыха ученых, был снят в заповеднике первый послевоенный фильм «Победителям».

Сделано было многое, но восстановление мемориальных объектов двигалось медленно. Для их реставрации был необходим научный подход, знание

¹³ Воспоминания З. М. Ивановой. Личный архив автора С. Д. Я.

¹⁴ Архин РАН.

* Известия ЦК КПСС № 5, 1991 г.

** Судьба Смоленского архива, с. 136.

*** Военный инженер.

исторических документов, пушкинской эпохи.

В начале 1946 года вновь приступил к работе Аркадий Моисеевич Гордин, вскоре он становится заместителем директора. Он подготавливает проекты восстановления домика няни и дома-музея А. С. Пушкина. В газете «Пушкинский колхозник» появляются его статьи «Михайловское в жизни и творчестве Пушкина», «Ссылка Пушкина в Михайловское» и многие другие.

Для восстановления Заповедника нужны были люди, много людей, местных жителей не хватало. Обычно в этих условиях тогда прибегали к помощи заключенных. Поэтому и был разработан проект направления на работу заключенных в количестве 500 человек. Этот проект был поддержан начальником исправительно-трудовых лагерей НКВД Псковской области капитаном Никитиным и вскоре в марте первая партия заключенных в количестве 30 человек прибыла в Пушкинские Горы.*

Но осуществить этот план не рискнули. Слишком одиозным было привлечение заключенных для восстановления всемирно известного заповедника.

Положение, создавшееся в Заповеднике, вынуждено было обсудить бюро райкома партии. Вопрос стоял остро «О ходе выполнения работ по восстановлению заповедника». На бюро отмечались крупные недостатки. Секретарь райкома Киманов заявил: «Генеральный план не разработан. Наличествует кустарщина и бесхозяйственность». Однако утвердили правовое Положение о заповеднике, виновные в срыве плана строго наказаны.

Затем и исполком обсудил неудовлетворительный ход восстановления заповедника. В принятом решении подчеркивается необходимость ускорить работы по восстановлению, чтобы отметить 25-летие основания заповедника, выпустить новый путеводитель в 4—5 авторских листах в количестве 20 тыс. экземпляров, составить план экскурсионной работы с охватом 10—12 тыс. человек, составить библиографию заповедника с охватом периода 1929—1949 годов, широко использовать в работе кинофильмы о заповеднике с 1924 г. и военную кинохронику 1941—1944 годов (что практически сделано не было из-за позиции КГБ), а в парках установить бюсты Пушкина и его современников (о чем тоже вскоре забыли).

Исполком принял также весьма важное решение о запрещении движения мимо могилы Пушкина. Это было 16 сентября 1946 г., в ту далекую осень прекрасно понимали значение этого решения. В наше же время несколько лет идет нелегкая и безуспешная борьба с властью имущими за превращение дороги, от которой страдает могильный холм, в пешеходную зону.

На совещании в Пушкинском Доме в марте 1947 года поднимался вопрос об издании ежедневной газеты «Пушкинский заповедник». Было принято постановление: «Поручить Гейченко поставить перед Облисполкомом и Обкомом вопрос об издании газеты». По неизвестным причинам дальше дело не пошло. К сожалению, газета до сих пор так и не вышла, очевидно не было денег.

Большую озабоченность вызвало состояние парков. Для консультации по этому вопросу был приглашен из Пскова областной лесовод П. Аристов. Он совместно с ученым лесоводом заповедника Н. Звогольской обследовал деревья и пришел к выводу, что в еловой аллее все деревья перестоявшие и заражены различными видами короедов. Поэтому весной необходима посадка деревьев, в липовой аллее следует запломбировать дупла, избавиться от моли

А между тем, в это время проходили выборы в местные Советы. В газете «Пушкинский колхозник» видно, в какой обстановке они проходили. «Еще и блок «дуба единенного» и в дубах «солнечных часов».

час до начала голосования, а народу собралось свыше сотни человек, и когда часовая стрелка показала 6 часов, и председатель участковой комиссии т. Гейченко пригласил избирателей приступить к голосованию, в очереди стояло свыше 200 человек, каждый спешил в ранний час первым отдать свой

* Архив РАН, Описание 1946 г.

голос». (!) Комментировать, очевидно, нет смысла.

В трудных условиях заповедник постепенно восстанавливался.

2. «НЯНЯ ЕДИНСТВЕННАЯ МОЯ ПОДРУГА

... Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах.
И медлят поминутно спицы
В твоих натруженных руках

А. С. ПУШКИН.

С далекого пушкинского времени и до 1944 года простоял этот домик как бесценная единственная сохранявшаяся постройка. Над ним пронеслись драматические события, трагедии, его терзали и вновь бесконечно восстанавливали современники. Гордо он стоял, несмотря ни на что, словно сама память о поэте, с иронией относясь к этой людской суете.

Перед самой войной домик Арины Родионовны, словно предчувствуя его трагическую судьбу, тщательно измерили, зарисовали, сфотографировали. Немцы, затем, разобрали бревна и доски для офицерских блиндажей, а остатки сожгли при отступлении.

Именно его решили восстановить первым среди мемориальных построек, учитывая значение в судьбе поэта. Ведь он был источником вдохновения, символом связи с народом, веры в его лучшее будущее. Да и, пожалуй, проще было начинать с него, так как имелась вся необходимая документация. Она и помогла быстро восстановить домик.

Правда, долго спорили по поводу расположения комнат, планировки, некали и искали все новые варианты. Но доказать, что этот домик является банькой, не удалось, т. е. подтвердили мнение профессора К. К. Романова 20-х годов. Но домик по традиции продолжали называть «банькой».

А. М. Гордин—зам. по научной работе, предложил с самого начала деловой подход к восстановлению. Это было наиболее достоверное, исторически правильное решение—открыть домик в сторону Сороти. Но это не было бы так эффектно, как выглядит домик в наше время. Директор настоял на своей точке зрения.

Восстанавливая домик няни, строители на себе таскали от озера Маленец сдвигавшие по Сороти тяжелые бревна. Наконец, после напряженной работы к 148-й годовщине со дня рождения поэта он был в торжественной обстановке открыт.

К этому моменту привели в порядок дорогу от деревни Новгородки на Киевском шоссе к Ворошичу, в деревне, где проходило торжество, восстановлены были также клуб и поставлены ларьки для продажи сувениров.

Домик няни был открыт 6 июня 1947 года в день рождения поэта, в полдень, что многие тогда расценивали как своеобразный символ. Словно чудесная сказка он вновь прекрасным явлением возник перед взором пришедших к нему. В торжествах приняли участие: профессор Н. И. Мордовченко, известный пушкинист Б. В. Томашевский, поэт Г. С. Семенов (сын бывшего директора заповедника), секретарь обкома партии Л. А. Антипов, известная в то время заслуженная учительница республики П. В. Алмазова.

Но неожиданно митинг был прерван. В дупле дуба у домика няни обнаружился неразорвавшийся снаряд. После небольшого смятения торжество продолжилось. Артисты сыграли кукольный спектакль «Сказка о царе Салтане». Поздним вечером небо над тихо засыпающей Соротью озарило праздничный фейерверк. Он был не только в честь Пушкина и его няни, он был и в честь работников заповедника, ушедших и живых, верно четверть века ему служа-

щих. Заповедник отмечал свой юбилей, веку своей деятельности.

История домика няни имеет удивительное продолжение. Заповеднику весьма крупно повезло, когда совершенно неожиданно весной 1950 года удалось приобрести ценнейшую реликвию—подлинную шкатулку няни поэта Арины Родионовны.

Много лет в экспозиции не было ни одной мемориальной вещи, принадлежащей няне поэта. И вдруг неожиданный подарок. История его весьма любопытна, она характеризует отношение друзей поэта к Пушкину, его няне, к памяти о них.

Летом 1826 года в Михайловском гостил известный поэт Николай Иванович Языков. С ним давно хотел познакомиться Пушкин, ему посвятил стихи. Вскоре Языков приехал из Дерпта (ныне г. Тарту) вместе с Алексеем Вульфом. В то лето он впервые был в Михайловском, и эти благословенные места его очаровали, впечатления остались глубоко в сердце поэта. Но особенно тронула Арина Родионовна, ее гостеприимство, душевные качества. И сами собой родились стихи, ей посвященные. Няню любили все друзья Пушкина, ее невозможно было не любить.

В ответ няня подарила Николаю Ивановичу дубовую шкатулку (ларец), отделанную красным деревом, с замком «со звоном» и надписями: «Сделан сей ящик 1826-го года июля 15-го дня» и «Для черного дня» (примечание: орфография пушкинского времени). Очевидно, она была копилкой, а копилки в то время было весьма модно дарить. Вспомним, что через несколько лет жена поэта Наталья Николаевна подарила Пушкину копелек, как свадебный подарок, который он сохранил всю свою жизнь.

Многие годы о судьбе копилки никто ничего не знал. И вот письмо из Владимирской области. Потомок поэта 96-летняя учительница из Новгорода Анна Дмитриевна Языкова, эвакуированная во Владимирскую область, завела шкатулку няни Пушкинскому заповеднику. Передача шкатулки явилась значительным событием тех лет. Ее поставили на видном месте в светелке домика няни.

И с тех пор каждый экскурсовод в меру своего таланта рассказывает об единственной сохранившейся от няни вещи, о ее удивительной судьбе. На фоне романтического домика Арины Родионовны этот рассказ живо напоминает няню и ее сказки, вдохновлявшие когда-то поэта и известные нам с детства.

Шел 1950 год. В стране безраздельно процветал культ личности Сталина, появился и еще культ небезызвестного «народного академика» Т. Д. Лысенко активно шла борьба с «космополитами» и т. п. Невольно на этом фоне возникает мысль, что вскоре после приобретения шкатулки начинается постепенно складываться и культ личности Гейченко. Местным властям, начальству всех рангов, партийным руководителям знатым гостям заповедника—всем нужен был кумир, национальный русский миф о человеке, возродившем из пепла в одиночку Пушкинский заповедник. Над созданием этого мифа работа многие годы люди, пока он не приобрел фантастические масштабы и, в конечном счете, не поглотил тех, кто знал правду без прикрас, пока хороший организатор музейного дела, человек не без талантов, на котором все годы держалось не превратился в полубога, святого пушкинской земли. Это превращение стало ясным для многих лишь в наше время, когда спала пелена и стали рассыпаться во прах поверженные кумиры. Но, увы, слишком поздно! для самого С. С. Гейченко.

Прошло еще несколько лет. В местной газете «Ленинский путь» (так в те годы называлась газета «Пушкинский край») была опубликована заметка недавно приступившего к работе младшего научного сотрудника заповедника Владимира Семеновича Бозырева, приехавшего из Грозного, «Образ Арины Родионовны в советской поэзии» к 125-летию со дня смерти няни А. С. Пушкина). В небольшой публикации была предпринята первая попытка проана-

лизировать стихи советских поэтов, посвященные няне. Публикация не слишком глубокая, но весьма живая, особенно на фоне того, что печатали в те времена. Чувствовалось искреннее стремление автора к научному поиску, исследованию окружения поэта. Автор обратил внимание на творчество таких малоизвестных поэтов, как Г. Семенов, В. Золотов, И. Смирнов, С. Островой, обладающих своим голосом, своей темой, настольными красками в мире поэзии.

Сыпь—снега разбрелись по свету
Третьи сутки покоя нет.
Будто птицы, душа томится.
Мне не спится,
Мама, мамушка!
По степи замает след..
Свищет ветер по всей округе,
«Нет конца окаянной вьюге,
Ни конца, ни края нету,
Волчьи звезды горят вдали..
Мама, мамушка!
Тесно сердцу!
Раствори золотую дверцу,
Чтобы сказки твои вошли,
...И Арина садится рядом,
Поправляет ему постель,
А глухим, занесенным садом,
Нараспашку бежит метель».

С. Островой «Ночь в Михайловском»

«...Тот домик был нам
памятью глубокой
В него входили трепетно
дыща»

И. Смирнов «Домик няни»

...«По имени, по отчеству звала,
А он тебя все мамой,
да все мамой!
Следила строго, чтобы добела
Пола намыты были, чтобы в самый
Что ни есть мороз хранила жар
Лежанка; чтоб кипящий самовар
Всегда был наготове;
не скрипела
Дряпные половицы
и не пели
В сенях молодки ... Мало ли
о чем
Свет Александр Сергеевич подумал!

Г. Семенов «В селе Михайловском»

«Священной, заповедной
Меккой нам была
Земля, что вечно в сердце
ляжет —
Простую баньку берегли мы даже
Лишь потому, что няня здесь жила.
Снесли безжалостно, соорудили дзоты
Как будто не хватало бревен
или шпал...
И если б я под Веймаром лежал
Неужто тронул домик Гете?»

В. Золотов «Здесь жил поэт»

«По-русски поклониться разреши,
Арина Родионовна —
Тебе, родная...»

Г. Семенов «В селе Михайловском»

«Совсем один... кругом бушует вьюга,
И письма не приходят, как назло
Но рядом—домик няни,
домик друга,
В том доме и уютно, и тепло».

И. Смирнов «Домик няни»

Позднее В. С. Бозырев обратил внимание читателей газеты на цикл стихов И. Демьянова «Село Михайловское в советской поэзии». Интересно, творчески начинал работу будущий заместитель, а еще позднее директор заповедника Владимир Семенович Бозырев, автор путеводителей по Пушкинскому заповеднику. Никто тогда не мог даже представить, чем все это кончится в гнетущей атмосфере заповедника последних лет.

3. «ПРИЮТ ОПАЛЬНОГО ПОЭТА» НЕ ПОБЕЖДЕННОГО СУДЬБОЙ...

Дом Пушкина... О нем столько сказано, столько написано и каждое новое поколение находит новое слово в бесконечном рассказе о человеке, который испытал здесь все, что ему суждено было судьбой испытать.

Восстановить дом-музей А. С. Пушкина на основе архивных документов и тем самым приблизить каждого, приходящего сюда, к эпохе, в которой он жил. С этой священной целью сразу же после освобождения заповедника пришли в Михайловское строители и пять самых трудных лет преодолевали лишения, голодали, мерзли, но в конце концов достигли своей цели.

Через много лет С. С. Гейченко эффектно, с размахом, ему присущим, вспоминал о начале восстановления дома поэта, сильно приукрашивая подлинную картину:

«День этот был особый. Он был днем начала восстановления дома поэта в Михайловском.

... У монастырской стены стоял наготове своеобразный поезд. В нем были люди, кони, сани и походная электростанция... Полусотня мужчин и женщин выстроились вдоль поезда. Последние напутствия. — Команда — «Пошел!» — и вся армада тронулась в путь. Возглавляли поезд начальник реставрационных мастерских Академстроя И. Смирнов и я. Ехали в Новоржев.

Там Псковский облисполком выделил заповеднику лесную делянку для заготовки строительного леса и других исторических построек. Там в лесу и решили мы срубить дом, а потом, разобрав, подтащить его к реке и славом отправить в Михайловское, что и было сделано весной.

Приехали в лес. Тамошние лесники отмерили нам делянку... Все шло вдохновенно, деловито и радостно. Лес был сосновый, отличный. Сруб получился на славу...

...Дом прибыл в Михайловское и вовремя был поставлен на старый фундамент. Началась внутренняя отделка исторического памятника.

Архитектор Леонид Иванович Рожнов в беседе с автором этих строк отмечал, что в воспоминаниях Гейченко отсутствует историческая достоверность.

Также как для строительства домика няни бревна славляли по Сороти до озера Малепца, а затем на себе их таскали на стройку.

Дом восстанавливался из 5 комнат и прихожей. Хотя предполагали, и об этом свидетельствует фундамент дома *, что комнат было больше, однако, их описаний и чертежей не сохранилось.

Решили воспроизвести мемориальную обстановку в кабинете Пушкина, хотя известно, что точного описания его нет, также как нет и его точного изображения. Так, например, художник Н. Ге изобразил в 1875 году знаменитую встречу Пушкина с его лицейским другом И. И. Пущиным, используя интерьеры дома сына поэта Григория Александровича.

Однако имеющихся свидетельств современников, если свести их воедино, вполне достаточно, чтобы составить довольно полное представление об этом кабинете, изображенном в романе «Евгений Онегин», как «кабинет Онегина».

Основной принцип восстановления заключался в том, чтобы восстановить не довоенный дом-музей, внешне совершенно непохожий на Дом Пушкина, а на основе знаменитого рисунка землемера Ильи Иванова восстановить старинный ганцибаловский дом, в котором в период ссылки жил поэт.

Прекрасно сказал о Доме Пушкина академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Вот в этих кирпичях резонировала речь Пушкина, в остатках вот этой краски остался резонанс речи Пушкина... Кто знает, может, наука дойдет до такой тонкости, что вот из этих атомов, молекул, из этих электронов когда-нибудь можно будет восстановить речи Пушкина, ведь как это было бы по-настоящему...» * Хочется, чтобы несмотря на всю прозу жизни, несмотря ни на что, сбылась бы когда-нибудь романтическая мечта юного академика, ведь без поэзии, без веры человек мертв.

В начале 50-х годов была восстановлена должность заместителя директора Пушкинского заповедника. Ее занял, как уже упоминалось, после многолетнего перерыва Аркадий Моисеевич Гордин, работавший уже несколько лет научным сотрудником. И зацепила творческая работа, получившая мощный импульс. Научные работники стали регулярно собираться, обсуждать детали размещения экспозиции Дома-музея. В спорах рождалась истина. Не во всем удавалось убедить упрямого и своенравного Гейченко, но все же после длительных дебатов обычно находили компромиссные решения. В конце концов утвердили генеральный план строительства дома, что позволило заявить корреспондентам: «Дом будет одноэтажный, рубленый, крытый тесом. Наружная отделка в виде провинциального русского ампира».

Пять лет, со дня освобождения, шла подготовка к юбилею поэта и пять лет в труднейших условиях шло восстановление заповедника. В него вложили свой труд тысячи людей и прежде всего жители поселка Пушкинские Горы, отработавшие на стройке многочисленные субботники и воскресники, вся страна. А дом-музей пушкинские умельцы в своеобразной сложной обстанов-

* См. описание фундамента дома А. С. Пушкина К. К. Романова. «Памятник» 1994. Пушкинские горы, Тихвин, с. 98.

* В Петербурге, на Мойке, 12.

ке тех горьких и бедных лет строили два года. Здесь нужно признать организаторские способности Гейченко, его возможности уметь все «доставать».

И словно в сказке поднимался из пепла Дом Пушкина. Поэт возвращался в Михайловское. «Правда» писала тогда: «Мы восстановили города и села, мы восстановили и памятники культуры. Мы удвоим внимание местам, где роют тени великих людей — творцов русской культуры».

Работали на совесть, всем хотелось как можно скорее увидеть знаменитый и дорогой для всех поколений русских людей дом восстановленный. Весьма трудно кого-либо из строителей выделить, но как не вспомнить замечательных мастеров своего дела маляров А. Абрамова и А. Маркова, плотника Н. Баранова, столяра А. Петровского, и многих других. Чтобы делали строители без таких людей, как ветераны войны.

Работа под руководством Аркадия Моисеевича Гордина по восстановлению Дома поэта сразу же приобрела научный характер и целенаправленность. Окончательно был решен вопрос и о размещении в Доме-музее экспозиции. В 1949 году экспозиция и исторические интерьеры занимали помещения:

1. Прихожая — касса и ответственный дежурный по музею.
2. Комната няни (девичья) — история села Михайловского. В документах.
3. Гостиная (спальня родителей) — Документы на фоне интерьера начала XIX века.
4. Залце (гостиная) — экспозиция «Пушкин в конце жизни».

Здесь, в залце завершалась экскурсия по дому. Затем самостоятельно туристы осматривали столовую и кабинет поэта дворянской усадьбы.

5. Столовая — знакомство с интерьером XIX века.
6. Кабинет поэта. Впервые максимально точно была воссоздана мемориальная копия пушкинского кабинета. Здесь находились подлинные вещи поэта.

В Пушкинский заповедник вернулись некоторые вещи, бывшие здесь до войны. В акте документального фонда Пушкинского Дома периода Великой Отечественной войны от 1 февраля 1946 г. числятся 14 ящиков, как часть имущества музея, фолдов и архива, уничтоженных в 1944 году.

Среди вещей: бювар П. А. Осиповой, где она хранила письма А. С. Пушкина, медный самовар из Тригорского, два подсвечника, часы стиля ампир, два парных канделябра фляга XIX века с оригиналов О. А. Кипренского и В. А. Тропинина, графические портреты поэты и его родственников, а также секретер и рукодельный рабочий столик хозяйки дома.

В дальнейшем, происходили неоднократные изменения и перестановки по воле С. С. Гейченко, который всегда обожал, по логике и без нее, переставлять экспозицию. Казалось бы, она постепенно приобретала все более цельный характер. Однако настаивая на однозначном назначении помещений, составители экспозиции выпадали в другую крайность. Дом становился нежилым, личность поэта рассматривалась вне связи с семьей. У мыслящего туриста непременно возникали вопросы: «А где же жили брат Пушкина Лев Сергеевич и его сестра Ольга Сергеевна? Каковы были их отношения? Неужели приготовленный в кухне обед нужно было проносить в столовую через заставленный вещами кабинет поэта? И многие другие вопросы быта.

Аркадий Моисеевич Гордин особое внимание уделял экскурсионной работе, ее методике. Сам блестящий экскурсовод, он привлек в штат Ю. Л. Даникевича, Е. А. Апаньева, Ю. С. Левину, Л. С. Смолину и других. Хранителем

Святогорского монастыря в те годы был экскурсовод В. Н. Мерцалов.

В целях методической и культурно-массовой работы, улучшения подготовки экскурсоводов из числа местных жителей и приезжавших энтузиастов, был создан справочно-информационный кабинет, который размещался в райисполкоме под названием «Что и как смотреть в Пушкинском Заповеднике». Действительное участие в создании его экспозиции принял небезызвестный музейный работник Матвей Матвеевич Калаушин.

В это же время был снят новый фильм о Пушкинском заповеднике режиссером Мервисом.

Весьма активно в эти годы работала и газета «Пушкинский колхозник». На ее страницах директор заповедника регулярно к пушкинским датам публиковал разнообразные статьи. Это была своеобразная идеологическая подготовка к юбилею поэта. Семен Степанович умело использовал газету для пропаганды работы Заповедника. За короткое время на страницах газеты раскрылся его дар популяризатора творчества А. С. Пушкина, импровизатора на пушкинские темы, позднее во время застоя расцветший пышным цветом.

Среди опубликованных в местной печати материалов были и такие — «Пушкин «борец за освобождение крестьянства», «Ширить пропаганду творчества Пушкина».

В поселке Пушкинские Горы и в окрестных деревнях по инициативе С. С. Гейченко накануне юбилея были проведены так называемые громкие читки произведений А. С. Пушкина. Особым успехом почему-то пользовалась повесть «Метель». Возможно потому, что некоторые читатели чувствовали в названии ее современные мотивы, связанные с недавно минувшей войной и смутным послевоенным временем.

На стройку дома-музея часто приходили местные жители, интересовались ходом строительства, давали советы, высказывали свое мнение.

Архитектор Л. И. Рожнов, автор проекта восстановления Дома-музея, чувствовал себя героем дня. Многие посетители отмечали высокое качество проведенной работы, похожесть здания на дом, изображенный на рисунке 1838 года художника-землемера Ильи Иванова.*

Правда, гораздо позже, уже в наши дни, по поводу построенного дома были высказаны и другие мнения. Их приведем ниже, чтобы не нарушать нить повествования.

Приближался праздник. По этому поводу разработали план его проведения, в соответствии с которым предполагали выпустить специальный юбилейный номер литературного альманаха. К сожалению, не получилось. Хотели создать местное Пушкинское общество. Его на Псковской земле после войны не было. Тоже не удалось. Начали подготавливать народное театральное представление «Бой Пушкинских партизан с немецкими захватчиками, на берегу реки Сороти».

Но из этой затеи также ничего не получилось и первая попытка в послевоенный период внедрить театральное действие на пушкинской земле провалилась. Более к этому уже не возвращались. Пришли другие времена, изменилось после кровавой войны и люди.

В парке Михайлевского предполагали установить мраморный портрет Пушкина и портреты его друзей. Вскоре от этого также отказались, очевидно из-за недостатка средств.

А между тем юбилейные дни наступили. Земля поэта давно не видела таких торжеств. Не случайно газета «Правда» назвала празднование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина «народным торжеством». Со всех концов необъятного Союза, из-за рубежа приехали гости. Пешком, на телегах направлялись из ближайших и дальних деревень псковские крестьяне. До 100 ты-

* В настоящее время готовится книга архитектора Л. И. Рожнова об истории восстановления Дома-музея А. С. Пушкина. Он умер в марте 1995 г.

сяч человек приняло участие в этом празднике впервые, проходившем на зеленой поэтической поляне, ныне всем известной. И даже «разразившийся над пушкинскими местами грозовой ливень не смог помешать празднику».

На торжественном собрании 5 июня президент Академии Наук СССР С. И. Вавилов провозгласил под аплодисменты: «Слава Псковщине, на которой окреп народный дух Пушкина!»

Сказано о Пушкине было много, пожалуй, слишком много, но неглубоко, многие грани личности поэта стались в тени. Да, пожалуй, в той обстановке, невозможно было проводить подобные мероприятия иначе. Но даже в то время, выступая на зеленой поэтической поляне Вавилов С. И., выражая общее мнение, сказал самое главное, самое важное о поэте: «Пушкин был и остается подлинным народным поэтом, настоящим эхом русского народа. Русские люди и все народы Советского Союза любят Пушкина, как поэта сегодняшнего дня, как близкого и прекрасного друга».

Пушкинский юбилей завершился выступлением хоров, исполнивших шедевры русской музыки. Он остался в памяти народа как яркий праздник на фоне послевоенной трудовой и безрадостной жизни в тоталитарном государстве, как стремление к духовному пробуждению в бездуховные времена.

Празднование юбилея поэта попытались вновь использовать и для возвеличивания личности Сталина, ведь этот год был годом его семидесятилетия, которое с помпой отмечали повсеместно в стране и на собрании приняли письмо к Сталину, в котором, в частности, говорилось: «В этот торжественный день мы устремляем к Вам наши сердца и мысли», а 12 июля в поселке был проведен многолюдный митинг по случаю открытия бюста Сталина».*

После праздника, как положено, подводили его итоги, составили акт комиссии и как говорится прослезались. В акте отмечалось, что «во время торжеств сметено и утопано ногами гуляющих 300 м² газонов, стоптаны и стерты бровки газонов, дороги, 15 кустов жасмина». Из этого документа мы видим низкую культуру населения и неумение администрации контролировать порядок при проведении подобных мероприятий.

С тех пор стоит на своем историческом месте Дом-музей поэта, напоминающая не только о жизни и творчестве Пушкина, но и о людях, воссоздавших его для грядущих поколений.

В этом доме особо чувствуешь глубокий смысл стихотворной строки друга поэта Николая Михайловича Языкова.

«Приют опального поэта
Не побежденного судьбой,
Благоговее пред тобой...»

Три раза в году отмечаются в Заповеднике пушкинские даты. Это день рождения поэта, годовщина его гибели и годовщина приезда в Михайловскую ссылку. Придите туда в один из этих дней, пойдите у его могилы, послушайте выступления певцов или хора в Успенском соборе, и вы ощутите потребность души прочитать несколько его строк и, быть может, вспомнится среди прочих стихов, написанные в далеком 1949 году Георгием Некрасовым:

* В доме поэта С. И. Вавилов написал слова, идущие от сердца: «Наша обязанность, обязанность потомков Пушкина, — охранять эти места, знакомить с ними наш народ и возможно шире раскрывать значение этих мест в творчестве величайшего нашего поэта...»

«Время ненавидит равнодушных,
Тлеющих, как на корню камыш.
Чувствую, мне Пушкин смотрит в душу,
Спрашивает:
Тлеешь или горюшь?
Он здесь всюду, как огонь росинки,
Как листы сверканье в тиши.
Слух о нем прошел по всей России
и Россия вся к нему спешит».

С тех пор прошло много лет. Мы за эти годы многое пережили, стали мудрее, минувшее научило нас чувствовать неточность, приближенность во всех явлениях. И ныне ясно, что большое видится на расстоянии. Каково же сейчас наше отношение к дому, восстановленному в далеком 1949 году и о котором за эти годы написано море книг и статей. Все чаще появляются критические материалы. К ним относится статья архитектора А. Иконникова. «О ценностях подлинных и мнимых», опубликованная в журнале «Наше наследие». Думаю, что с мнением специалиста интересно познакомиться и читателям.

«Главное здесь — сама природа, которая силой пушкинских стихов вошла в сознание, в сокровенное и личное громадного множества русских людей. Все кажется узнаваемыми для попавшего сюда впервые. Судьба не сохранила «скромную обитель», любимую Пушкиным. Новый макет был необходим как опора памяти, как точка отсчета в ландшафтной среде — отсюда начинал свои прогулки Пушкин, отсюда наблюдал он «двух озер лазурные равнины».

Не дом влечет сюда, а память о поэте. Декорации макета помогают настроиться на восприятие уголка России, среди которого рождались памятные всем образы, памятные строки. Для этого, главного, макет необходим, хоть и не заменил он подлинных реликвий, исчезнувших безвозвратно.

Подобные места — опора памяти культуры. Они нужны и тогда, когда заведомо нет возможности воссоздать утраченные реликвии. Вот только память о бесценном для нас обязывает к ответственности, а не спиходительности к декорациям, помогающим организовать, направить не только потоки паломников, но и их эмоции. Нужны такт и верное чувство стиля, воссоздаваемой эпохи, необходим высокий художественный и ремесленный уровень «новодела», который не снижал бы незаслуженно наше представление о культуре прошлого.

К сожалению, если мы, будучи в Михайловском, отренимся на какой-то момент от возвышенно-приподнятого состояния духа и посмотрим на Дом-музей внимательно и трезво, разочарование неминуемо. Дело даже не в элементарных отклонениях от облика «господского дома», зафиксированного единственным сохранившимся изображением Михайловского пушкинской поры, литографией П. Александрова (1838). Важнее, что постройка вообще не соответствует духу пушкинского времени и стилю архитектуры небольшого и небогатого поместья начала XIX столетия. Напротив, она отмечена близким родством с дачным строительством 1950-х. Любые ее детали — карниз, оконные наличники, мелкая обшивка из тонких досок — свидетельствуют об этом. Особенно откровенен «непушкинский» характер террасы, прилаженный «для красоты» со стороны озера, с ее неправдоподобно неуклюжим портиком под зеленым фронтоном. Громадное большинство посетителей всего этого не замечает. Но среди впечатлений, оседающих в памяти, остается и неправда, которую мы прощаем лишь потому, что мало ценим визуальную культуру. Ценим слово, пренебрегая стилем жизни, в которой оно родилось. Конечно,

«макет» здесь необходим. Но ясно и то, что он должен помогать формированию «образа места», а не препятствовать, не снижать этот образ.*

IV. «У ГРОБОВОГО ВХОДА...»

Время вершит свой бесконечный труд. Свергая кумиров оно выявляет истину, оно просвечивает временную сущность каждого жившего и жившего на земле нашей. Уходи в Лету кровавая и бездуховная эпоха. Уходи очень долго и очень болезненно. А сквозь утреннюю мглу проступали пока не всем ясные черты Пушкина нашего века.

Но вначале был один из самых мрачных периодов в истории страны, в истории заповедника. Культ личности достиг апогея, демаггия расцвела пышным цветом, шла охота за инакомыслием, появились трофимы Лысенко, семена бабаевские, академики поспеловы и мивцы. И не случайно этот период и врем я формирования культа С. С. Гейченко, доведения его до абсурда. В этих условиях все приписывалось одному лицу. Нужен был кумир и для Заповедника.

Вспомним, что писали газеты «Пушкинский колхозник» и «Псковская правда» в 1950-х годах.

«По указанию нашего великого вождя, величайшего ученого нашей эпохи, крупнейшего знатока творчества Пушкина И. В. Сталина в Пушкинском заповеднике за последние годы была проделана огромная работа по ликвидации ущерба, нанесенного немцами во время войны».

18 марта 1951 г.

«Все это новое создано руками потомков Пушкина, трудолюбивых, счастливых советских людей, под руководством мудрой партии Ленина—Сталина, воздвигающих величественное здание коммунизма».

11 июня 1950 г.

«Обновленный край».

«Мы гордимся тем, что на нашей земле находится Пушкинский заповедник, созданный под руководством гениев человечества Ленина и Сталина».

8 июня 1952 г.

«Пушкин и социалистическая культура».

Подобные мысли пронизывали практически все выступления и лекции руководителей заповедника. В Святогорском монастыре в 1951 году открылась экспозиция, которая находилась там несколько лет, посвященная работам Сталина о языкознании. О ней обязан был говорить каждый экскурсовод, рассказывающий о последних днях жизни поэта. И такой поворот был страшен!

В эти мрачные годы простые человеческие слова как бы отступили, ушли далеко в книги впечатлений, а порой в шутку, в давно забытые события, вспоминая которые еще можно было побалагурить, отжаться юмору.

Однажды приехал в заповедник знаменитый театральный педагог, воспитавший ни одно поколение актеров, Леонид Макарьев. Побывав на Ворониче он на местном кладбище преклонил голову и могилы Иллариона Раевского, знаменитого попа Шкоды, с которым дружил Пушкин и некоторые черты которого отразились в образах монахов в народной драме «Борис Годунов». О многом подумал маститый мастер, очевидно, уви-

* Иконников А. О ценностях подлинных и мнимых. «Наше наследие». 1990, III, с. 3.

денное на земле поэта способствовало вызреванию его творческих замыслов. Осталась эпитафия на смерть Иллариона Раевского:

Среди незнаемых могил
Вития сельский здесь почил.
В ограде древнего кладбища
У серой каменной плиты
Земля под прахом пепелища
Хранит в тиши его черты.
По духу вольный сын народа,
По хватке брат богатыре
Наместник бога, враг парей,
Поэта друг — веселый «Шкода»!
По чину местному был он
Тригорский поп Илларион.
Под сим безвестным вечным кровом
Помянем Шкоду добрым словом,
Помянем всю его семью —
И дочь, и сына, и жену!

Иногда шутка приобретает трагический смысл.*

Вскоре после смерти «отца народов» осенью 1953 года проводилась реставрация могилы поэта. Этому событию предшествовала большая подготовительная работа. После реставрации могильного холма и самой могилы прошел 51 год. Время было наполнено огромными событиями. Революция, гражданская война, уничтожение Михайловского и Тригорского, период дикости и бескультурья в Пушкинских местах, затем постепенное возрождение, война с ее беспредельным горем и многое другое.

За эти годы несколько раз проверялось состояние памятника и могилы. К 1953 году отклонение памятника от своей оси, осадка грунта стали значительными.

В 1952 году в Святогорском монастыре побывала комиссия Академии наук СССР, которая тщательно измерила отклонения памятника и состояние могильного холма. В прессе регулярно публиковались материалы по истории могилы.

Наибольший интерес представляют заметки в газете «Пушкинский колхозник», «Пушкинский заповедник готовится к летнему сезону», 24 апреля 1953 г. «Могилы поэта», 24 мая 1953 г. № 62 «Вяземский на могиле Пушкина», 24 апреля 1953 г. «Все живет памятью о нем». 7 июня 1953 г. «Реставрация памятника на могиле Пушкина», 23 сентября 1953 г. № 188, «Осень в Михайловском», 1 октября № 194.

В той или иной степени речь здесь шла об истории реставрации памятника поэту в прошлом, о планах работы заповедника в летний период 1953 года. Действительно в это лето была проведена большая работа на могиле поэта. Официально руководил работой прибывший в заповедник осенью 1952 года директор Пушкинского Дома профессор Бельчиков Н. Ф. Он возглавлял отдельную комиссию Академии наук. Входили в комиссию: псковский инженер М. Никифоров и С. Гейченко. Однако подлинным руководителем реставрации был консультант-археолог П. Н. Шульц. Его Гейченко знал еще по учебе в Петербургском университете как крупного специалиста. В помощь им выделили несколько рабочих.

* Архив РАН, опись 1949 г.

** С. С. Гейченко — У Лукоморья, Лениздат, 1977 с. 138.

* Вспомним отношение к этим делам церковных властей и необходимость соблюдать особый такт.

После тщательного исследования и промера надгробия поэта, утром 18 августа приступили к самой сложной части порученного дела. Предварительно со всех участников работы взяли, как было в то время положено, подписку о неразглашении тайны. Святогорский монастырь был оцеплен милицией.

Первоначально рабочие сняли детали памятника, скрепленные между собой медными штырями, забитовав их одеялами отнесли в сторону. Затем настала очередь плит основания, где обнаружили специальную небольшую камеру с останками двух пожилых людей. Обнаружили полуразвалившийся каменный свод, а под ним кирпичный. Его измерили и установили, что его размеры составляют 3 м длины, 85 см ширины, а глубина оказалась 80 см. Гроб стоит с запада на восток. Он прочный из двух досок, спитых железными кованными гвоздями. По бокам массивные медные ручки. Верхняя крышка гроба сгнила и обрушилась вовнутрь, но остальные части сохранились довольно хорошо. (Подлинные документы многие годы хранились у Гейченко и были недоступны исследователям, все это дает возможность допускать много неточностей и вымыслов).

После этого подвели под верхний кирпичный свод склепа бетонную крышку, железную арматуру, восстановили каменный свод и затем наступила очередь и самого памятника. Работа была завершена в августе, но о ее выполнении жителям поселка и туристам сообщили в местной газете лишь 23 сентября.

Такого было время. Последний участник этого обития, рабочий дядя Петя мер в январе 1992 года, не выдав тайну. Ведь он подписал бумагу о неразглашении тайны и считал своим долгом сохранить ее до конца.

Прошло 28 лет, и появились записки Семена Степановича Гейченко «У Лукоморья», о котором его друг Михаил Дудин писал, что он обладает умением «начинать работу там, где кончается документ», умением домысливать, придумывать, воображать... Свою роль в истории двадцати-восемилетней давности директор домыслил, как впрочем и во всех других своих новеллах.

Тогда же произошло еще одно важное событие.

В 1953 году Пушкинский заповедник вышел из 30-летнего подчинения Академии наук СССР, стал самостоятельным и был передан под контроль Министерства культуры РСФСР. Это породило многочисленные трудности в работе.

V. «ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ!» А. Ф. ТЕПЛОВ И ЕГО СУДЬБА

О Заповеднике долгие годы почти не писали.

Неслучайно в начале 50-х годов расширился и обновился штат работников заповедника. Семену Степановичу Гейченко удалось стать и утвердиться единоличным руководителем заповедника. Гордун вынужден был уйти, принципиальная его политика по научным проблемам все более раздражала входящего во власть директора. Все более проявлялись черты его культа личности. С каждым годом работать с ним было все труднее. В этих условиях Матвей Матвеевич Калаушин предложил Аркадию Моисеевичу перейти работать в Институт Русской Литературы.

Но Гейченко необходимы были собственные ученики, которые целиком бы от него зависели. Неожиданно появилось несколько новых научных

* «Пушкинский колхозник» 1953 г. 23 сентября, № 188.

** Т. Я. Мальцева — дочь дипломата, репрессирована, экскурсовод, много занималась историей Ганнибалов и трагически погибла в г. Сорога у Савиной Горки.

Г. Ф. Симакина — экскурсовод в Тригорском, а затем зам. директора по научной работе.

сотрудников. Как бы вливалась в жилы заповедника новая молодая кровь. Среди пришедших были талантливые люди: Татьяна Юрьевна Мальцева,** Галина Федоровна Симакина, Элеонора Федоровна Карлова и другие. У каждого из них—своя судьба, свой путь в заповеднике. Гейченко был обидный кумир. Объединяла их мечта выпустить хотя бы одну научную книгу, хотя бы один сборник. Многому они учились у Гейченко, и много бед принес он им. По-разному сложились у них жизни. Тогда они были молоды и полны творческих планов, но... они не увидели многие годы свои книги.

В 1952 году приехал в Заповедник, многое испробовав в жизни, пройдя через огонь войны, участие в знаменитом Нюрнбергском процессе. Алексей Федорович Теплов. К тому времени он закончил филологический факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию, недолго проработал в Исаевой Поляне. И вот судьба забросила его в Пушкинский заповедник. Он буквально окунулся в работу.

В этом небольшом человеке имелась какая-то целенаправленная сила. Он работал самоотверженно, взахлеб. Перелистайте подшивку местной газеты за 1953—1969 годы и вы, наверняка, обнаружите многочисленные статьи, которые свидетельствуют о широте интересов молодого ученого. Здесь и многочисленные статьи об А. М. Горьком, например, «Благодарный гуманист и патриот», а также «Энгельс за чтением «Евгения Онегина», «Языков в Михайловском», «Пушкин и крестьянские волнения», «Старый гусар — приятель поэта» и другие.

Для его статей характерна точность формулировки, избыток фактов. Его экскурсии всегда вызывали обостренный интерес, они были неоднородны, будили мысль. Алексей Федорович всегда стремился вызвать творческую дискуссию. Стоило появиться книге С. С. Гейченко «У Лукоморья», как вызвало это необыкновенный ажиотаж, сделав имя автора весьма популярным. У книжных киосков стояли бесконечные очереди. Вспоминаю, как в «нагрузку» к его книге давали «Дубровского», и это способствовало недовольству некоторых стоявших в очереди дам. Современники поэты, такие как М. Дудин, воспевали книгу. Все новые издания рассказов пополняли книжную полку. Не раз пытался Гейченко повторить успех книги. Так было несколько лет. Постепенно угасал интерес к ней. И это было закономерно. Прошли годы. И никто сейчас не вспоминает знаменитую книгу, ее время кончилось. А в те годы лишь Алексей Федорович Теплов написал на тему «У лукоморья» едкий памфлет «Чудеса у лукоморья». Он ставил неоднократно вопрос о научной работе в Заповеднике. Это были годы, когда работы ни одного научного сотрудника не издавались. Власть в заповеднике была лишь у Гейченко, без его позволения ничего нельзя было сделать.

Назревал конфликт между директором и строптивым научным работником. А. Ф. Теплов выступил против дорогостоящих работ по очистке озера Маленец, в результате которых местные напротив Михайловского стала искажаться, а озеро вновь зарастать. Он доказывал, что всегда озера здесь чистили вручную. Это было дешевле и правильно в принципе.

В Петровском без каких бы то ни было геологических ее исследований была пробита артезианская скважина, выбросившая за многие годы мощный поток, губящий все живое, всего более 1 куб. км воды.*

«Теплов. — как писал в своей статье «Алма, или Портрет в интерьере Пушкинского музея» И. Т. Будылин — смог первым заменить подмену подлинного, благородного дела возрождения и содержания заповедника — рекламной показухой, превращение его в арену местной борьбы за власть.

* Об этом неоднократно писала Ю. Б. Бабина — геолог, активный борец за экологию Пушкинской земли, очистку местных озер, скончалась.

карьеру, должности, выгодное общественное положение. Неслучайно маршрут в заповедник стал любимым для партаппаратчиков всех рангов». Романтический период послевоенной истории заповедника заканчивался. Приходят другие люди. Ради своих привилегий, карьеры готовые на все. Их связывала лишь круговая порука.

В этом человеке, им противостоявшем, маленьком, щуплом, больном, который все более порой вызывал своим внешним видом и поведением насмешки и ухмылки обывателей, была стальная воля борца. В конце концов, он был объявлен сумасшедшим, за ним установили медицинское наблюдение. Однако к чести врачей следует отметить, что они категорически отказались подтвердить этот диагноз.

И все-таки травля ученого Теплова продолжалась. Алексей Федорович вначале своей пушкингорской деятельности был весьма высокого мнения о директоре заповедника, во всем стремился его поддержать. Вместе с завхозом Зиновьевым он дал ему рекомендации в партию. Но через некоторое время был потрясен, узнав негативные стороны.

А в итоге драматическая бескомпромиссная борьба со стилем и методами работы руководства. Возглавляя эту борьбу Теплов становится самой яркой фигурой среди немногочисленных противников Гейченко, его антиподом, борцом за истину.

Теплов до конца своих дней боролся за истину, за научный подход к работе, продолжая лучшие традиции работников заповедника 20—30-х годов. И главное для него было высветлить роль поэта в судьбах страны и каждого человека, жившего в ней. К сожалению, многие замыслы Теплова не были реализованы. Среди них особое место занимает историко-публицистическая повесть «Воронич».

В статье «Пушкин и народ» А. Ф. Теплов так оценивал вклад поэта в литературу: «Вобрав в себя сокровища яркой, полной смысла и чувства крестьянской речи, Пушкин оплодотворил ею книжный язык и тем самым совершил исторический подвиг—создал русский литературный язык, возвысил русский язык, богатый и сильный по своей природе, на высоту самого могучего языка мира».

Как-то однажды, незадолго до смерти, разговорившись, он спросил Будылина:

— А знаете ли вы, что такое акме?

— Акме? Насколько я помню, означает «вершина». Отсюда название литературного направления — «акмеизм»...

— Верно... Так вот, у некоторых все есть, но нет акме. Понимаете? Меня это очень тревожит... Нет вершины, высоты духа, а без акме нет жизни, она бездуховна. Вот что страшно... Ради этих вершин живут на земле люди, ради ее приходят к нам такие подвижники, как А. Ф. Теплов. Вскоре, странного для ямного, неудобного для некоторых человека, Алексея Федоровича не стало. Умер он от тяжелой болезни. На похоронах его было немногочисленно. Но несколько слов, сказанных о нем, были от души. Словно звуки скрипки в честь ушедшего борца. И сегодня ясно видно, что вопреки всему, он нес в себе акме—нравственную высоту духа, являясь примером для многих поколений служителей поэта. В сложных условиях того времени он был Человеком в высшем значении этого слова, таким и остался в памяти многих. *

* И. Будылин. Портрет в интерьере Пушкинского музея. Пушкинский край, 26 июля 1993 г. № 96.

* Иосиф Теодорович Будылин — кандидат педагогических наук, автор многих статей, экскурсовод (род. 1945 г.).

На этом завершается повествование о романтическом начальном этапе послевоенной истории Пушкинского заповедника. Он вступил в период зрелости, творческих проблем и конфликтов.

Все это отразилось в какой-то степени в сатирической повести С. Довлагова «Заповедник».**

...
Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий

...
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, стисня крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Возды мои гривы...

В. А. ЖУКОВСКИЙ.*

Конец второй части.

* А. С. Пушкин — Избранное. Сочинения в 2-х т. Худ. литер. 1980 г. т. 2 с. 401.

VI БИБЛИОГРАФИЯ:

- Г. Бакусов «В лесах за Соротью. Лениздат, 1988.
- С. И. Вавилов. Сб. «Очерки и воспоминания». М. «Наука», 1991.
- С. С. Гейченко — «У лукоморья». Лениздат, 1977.
- П. М. Кимапов — За холмами Пушкинские Горы «Лениздат», 1975 г.
- С. Довлатов — Заповедник. Л. Василевский остров, 1990.
- Ар. Ларионов — Заповеди блаженства. М. Сов. писатель, 1991.
- А. Д. Малиповский — Подпольщина Пушкинский Гор; «Лениздат», 1984.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

- А. Сахаров. Воспоминания, «Знамя», 1990 № 10.
- «Наше наследие» 1990, III.
- «Наука и жизнь» 1990 № 10.
- Ленинград, 1943, № 3—4.
- «Ленинградская правда», 1946, июль.
- «Известия», 1944—45.
- «Пушкинский колхозник», 1944—1973.
- Пушкинский край», 1993, июль.

ОТ АВТОРА	3
I. «Метелям не задуть свечу» (Заповедник в годы войны)	4
II. «Кто наслаждение прекрасным в прекрасный получил удел...»	18
III. Пушкин есть у России, как молитву творю!	22
1. Начало	22
2. Няня единственная моя подруга	25
3. Приют опального поэта непобежденной судьбой	28
IV. «У гробового входа». 1953 г.	34
V. Племя младое, знакомое. Судьба А. Ф. Теплова	36
VI. Библиография	40